СЕРБСКІЙ

ЛѢТОПИСЪ

ЗА ГОДИНУ 1852. ЧАСТЬ I.

ГОДИНА XXVI. КНЬИГА 85.

ИЗДАЄ

МАТИЦА СЕРБСКА

У Пешти.

KNJIŽARA
SVETOZARA GALGA
U
ZAGREBU.

У Будиму Писмены Крал. Свеучил. Пештанског'.

БИБЛИОТЕКА
Вл. Г. Михаловича
ИЗБИТО

159 —

СЕРБСКІЙ

.....ОБ.ЕНИ

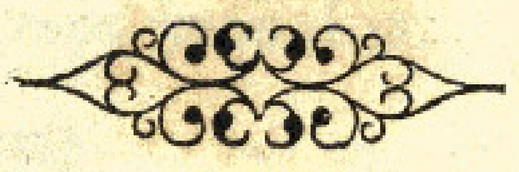
ЛѢТОПИСЪ

ЗА ГОДИНУ 1852. ЧАСТЬ I.

ГОДИНА XXVI. КНЬИГА 85.

Отъ Пеште даж' до Черне Горе
Дѣлатель прилѣжанъ свж' да спѣши.

Л. Мушицкій.

издає

МАТИЦА СЕРБСКА

у Пешти.

У БУДИМУ

Писмопы Крал. Свеучилишта Пештанскогъ.

34/46/1852. 077/3100

Народна библиотека Србије
Инв. бр. 2882

ЧЕТВРТА

ПЕШАДИЈСКА ДИВИЗИЈА

ИЗ ЊЕ

ИСТОРИЈА ЗА ЛОЗНИЦА ВОЈСКЕ

ОД ЊЕНОГ ПОСТАЊА ДО ДАНАШЊИХ ДАНА

1876—1926

ПРИРЕДИО

ЂОРЂЕ ЈОВАНОВИЋ

ПУКОВНИК

У ПОЗНИЦИ

ШТАМПАРИЈА „ЗАПАДНА РАВНИЦА“

1926

СОДРЖАНІЄ.

Страна

I. Географійско-Хисторійскій Одрывакъ о Далмаціи. Одъ Кола. - - - - - - 1

II. Слово Петру Петровићу Нѣгошу господару Црне Горе и Брда. - - - - 20

III. Освѣтленіє исканя народа Сербскогъ у Аустріи у ово време. - - - - - - 43

IV. Омирови Грцы и Црногорцы. - - - - 59

V. Репрезентація Чинова и Редова, у коіой иштy, да се иллиричка канцелларія укине. 68

VI. Прошеніє Г. н. с. Обреда Цркве Архі-Епіскопа и Епіскопа, на дієту, да имъ се мѣсто и гласъ опредѣли. - - - - 72

VII. Адреса Бану. - - - - - - - - 78

VIII. Бой кодъ Єчке. - - - - - - - 84

IX. Женскій Юнакъ. Новелл. (Край). 3. - 89

IX. Morgue Humaine. Horloge. (Asbay). 3. — 60

XIII. Pour nous deux. — — — — — — — 82

XII. Arbres Rares. — — — — — — — 12

[illegible] — — — — 15

[illegible] — — — — — — — 17

[illegible] — — — — — — — 63

[illegible] — — — — — — — 23

[illegible] — — — — — — — 13

III. [illegible] — — — — — — — 30

[illegible] — — — — — — — 1

COPYRIGHT

I.

ГЕОГРАФІЙСКО - ХИСТОРІЙ-

СКІЙ ОДРЫВАКЪ О ДАЛМАЦІИ.

одъ Кола.

Познатый нѣмачкій путникъ, г. І. Г. Колъ изложіо є у свомъ описанію путованя у Истрію Далмацію и Црну Гору год. 1851. мысли о означеномъ у паслову предмѣту, коє свакако заслужую, да ихъ читательи сербски познаду. И будући да ће се текъ мало Србаля наћи, кои поменуто дѣло г. Кола имаю, или су га прилику имали прочитати, зато држимо, да ћемо читаюћемъ свѣту нашемъ услугу учинити, ако чланакъ тай овдѣ у *Лѣтопису* у преводу саобштимо.

Сигурно є, вели г. Колъ, многій ову чудновиту узку руку одъ провінціє, (Далмацію) коіомъ наша данашня Аустрія тако дубоко на югъ допире, сматрао, и при томе се мысліо, како є та тако мало окружена область постала и израстла, коя найзнаменитію фігуру измеђъ свію земаля Европе има.

Кадъ бы Далмація была одприлике као Суматра, као Флоріда, или као Італія, дугачакъ какавъ са обе стране моремъ опасанъ єзыкъ суве землѣ, то бы

се све лако дало разумѣти. Онда бы се наскоро увидѣло, да цѣло єданъ географійскій комадъ за себе представля, па да є тако по природи тамо тежити имало, да и хисторійско єдно цѣло буде. Али томе ніє тако. Што више Далмація се показує тако, да є са великимъ тѣломъ грчко-славенскогъ полу-острова срашћена, и само є поморскій край овогъ тѣла. Одкуда є дакле то, да є овай узаный край у свако доба показывао тежню одъ онога тѣла одцѣпити се, и самъ као єдно особито цѣло остати?

При овоме се мора найпре и найпре на то погледати, да таковый случай, у каквомъ се Далмація указує, ніє тако редакъ, како се на првый погледъ чини; него да што више приморя и прибрежя свію великихъ сувоземскихъ масса у свѣту на то иду, да се одъ суве землѣ, са коіомъ су срастла, оддѣле. Ово се оснива на самой природной различности сувоземскогъ и поморскогъ живота людскогъ. То є сасвимъ природно, да приморцы ономъ истомъ прилікомъ, коя ихъ до трговине и морепловства доводи, особите обычає и законе приме, пакъ се оттуда радо одъ оныхъ, кои далѣ одъ мора обытаваю, землю раде и съ марвомъ се баве, оддѣлюю. Великимъ народима, кои трговину по мору воде, море є права домовина. Ньима на обали морской треба само приставиште, стопа землѣ. Али ово мораю имати. Зато они гледе све, како ће приморѣ задобыти. Далѣ унутри лежећу землю оставляю пастырима. Тако су у старо време Финичани, а послѣ Грцы многа мѣста

дужь средиземногъ мора држали. Тако су Римляни, кадъ су већь флоту стекли, са мора велика приморя дужь цѣлогъ сѣверногъ края Африке освоили. Тако су морепловцы нѣмачки на дугачкомъ приморю источногъ мора горе дугъ редъ приморскихъ провінція основали, а унутрашня земля остала є Русима и Пољцыма. Па су се и у другимъ частима свѣта подобне ствари догађале. Само се рѣдко таково появљињ тако за дуго држало као у Далмаціи. А да се ово овако догодило, то долази одъ особитогъ строя овога приморя, и одъ различитогъ рода противположености, коє се на нѣму виде, кадъ се са удалѣномъ одъ мора земльомъ сравни.

Најпре и најпре долази различность поднебеся. Далѣ одъ мора стоє высоке горе, коє овдѣ ондѣ башъ до мора скоро излазе. На найвышимъ врховима овыхъ гора лежи крозъ велику часть годипе снѣгъ, и са ньихъ дува ладна бура на ядранско море. Истина є, да ни приморѣ, ни острови нису сасвимъ равни; али у обште се горе къ мору ближе здраво спуштаю, нити у приморю, нити на островима има тако высокихъ горскихъ ланаца, као што су н. пр. Велебићъ и динарске Алпе унутри у земльи. Приморѣ дакле и острови отворени су већма задаху врућега Широско-вѣтра, кои изъ Африке дува. Овай послѣ кадъ на оне высоке снѣгомъ покрывене горе доће, изгуби наскоро свою благу топлину.

Приморѣ дакле са островима спада іоштъ сасвимъ у поднебесѣ італіанскихъ и грчкихъ земаля и мора,

а земля, коя далѣ унутри лежи, текъ што се мало одъ мора одмакне, приключава се већь панонскомъ и скитскомъ поднебесю. У приморю роди свуда слад-ко вино, маслина, и друго южно воће. Што више ту се већь починю вићати и алое, агаве, кактуси, и ур-ме. Цѣло былѣ у приморю єсть, као што му є и под-небесѣ, італіанско-грчко, па већь и само ово морало є животу у приморю другій образъ дати, него унутри у земльи што є. Грчко и італіянско, и у обште средиземноморско изображенѣ могло се овдѣ лакше простирати, докъ є дублѣ у земльи и у томе све Скитима — ако се овако хелленски-древно изразити смѣмъ, — приличніе быти морало.

Али главна и пресудителна ствaрь лежи у на-чину, како се тврда земля са моремъ дѣли; и онда є найважніе у ствари дугачкій онай ланацъ одъ остро-ва, кои се дужь цѣлогъ прибрежіа повлачи. Ови острови, као и само приморіе имаю сила преизред-ныхъ морскихъ залива и пристаништа, коя бродо-вима найлѣпшу обрану и дно за пристаянѣ даю. При томъ имаю свуда покрай своихъ пристаништа брда, стѣне, и друге видове узвышености, кое є наука ла-ко утврдити могла. Ту є дакле више мѣста было, коя су морскимъ и трговачкимъ народима средизем-ногъ мора сгодна была, да се у приморю утврде, па да оданде владу свою и управъ за сусѣдно приморѣ простру. Са овыхъ мѣста дала се при томъ лако про-бытачна трговина са унутрашньомъ земльомъ водити.

Али не само примамльивый изгледъ на добытакъ, него и нужда собственне обране морала є ове народе позывати, да, скоро силомъ натеривати, да острове и приморя на источной страни ядранскогъ мора посѣдну. Они су то морали учинити, ако су хтѣли ону владу на мору, кою су вѣкъ у своимъ рукама имали, сачувати и задржати. Єръ да су допустили, да имъ на та мѣста варвари сѣдну, онда бы ови сами бродове градили, на море нападали, и тако трговань изображеныхъ народа нарушавали, па бы онда изъ илирскихъ пристаништа и градова и самой великой Грчкой и Італіи опасношћу претили.

У єдну руку може се цѣла повѣстница Далмаціє назвати борбомъ грчко-італіянскихъ изображеныхъ народа, кои су своя мора и трговачке путове бранити хотѣли, са варварима тврде землѣ, кои су се у приморѣ и далѣ преко мора турали; па онда се дає цѣо редъ чудесно скопчаныхъ далматинскихъ пристаништа на островима и у приморю као єданъ природный ланацъ означити, кои су они први, тако рећи, све єднако затегнутъ и у добромъ станю обдржавати морали, да ови други преко нѣга не продеру. — Овдѣ є морала увѣкъ єдна у дужину пружена провинція на мору стояти, коя се као какавъ насыпъ покрай мора пружала, да бѣснећій потопъ изъ унутрашнѣ землѣ задржава, да се не прелію. Мы ову узку приморску провінцію, овай ланацъ, овай пасыпъ, као кои се Далмація и данъ данасъ указує, можемо мы скоро у сва времена повѣстнице показати, премда се увѣкъ

тако подпуно развыена не появлює, као садъ што є видимо, и премда се у времена велике сеобе народа и великихъ замршая на кратко време сасвимъ губила.

Найстаріи бродарскій и трговачкій народъ, кои на средиземномъ мору познаємо, были су Финичани. Прилично се извѣстно зна, да су они и у ядранско море улазили, и да су своє пристанке дужь илирійскогъ приморя имали. Истина є да ова мѣста, на коима су Финичани стояли, сада по имену казати не можемо. Али старе приповѣсти н. пр. Дубровника захватаю чакъ у време Финичана. По ньима є Кадмъ Финичанинъ отца Дубровника, старый градъ Епидавръ сазидао, и као краль тако названыхъ Енхелаца надъ овымъ илирійскимъ приморѣмъ владао. А садашньи Енхелцы, т. є. обитательи Дубровачкогъ приморя Конавля, премда говоре србски, немаю ни на кои начинъ славенску крвь, ни славенско лице ни тѣло, него наличе на орієнталце, и єсу, као што нѣки не безъ основа мысле, прави потомцы Финичана.

Можда су Финичани у оно исто време овамо у ову южну часть ядранскогъ мора дошли, кадъ є трговина пелазгійскихъ населѣника на сѣверу тога цвѣтала. Мы чуємо овдѣ о єдной старой пелазгійской трговачкой вароши Спина на ушћу рѣке Пада, за кою говоре, да є врло богата и силна была, и можда прва и найстарія преодница доцніихъ Млѣтака. За Пелазге кажу, да су они и нѣко одъ далматинскихъ острова, и поименце Лиссу, коя є своимъ

мѣстомъ близу средишта ядранскогъ мора врло важна, држали, и име му дали.

За Пелазгима су ишли Либурни, кои су, као што нѣки држе, само потомцы и ученицы Пелазга были. Они су имали трговачке послове, населбине и државе на оба брега ядранскогъ мора, коє се одъ то доба не зове више пелазгійско, него либурнійско. Као што су воєни походи Финичана и ньихово тргованѣ по мору Пелазгима у єдну руку помагали, а у другу шкодили, тако се могло десити, да су у оно време, кадъ су Либурни господарили, грчки бѣгунцы, шпекуланти, и срећоловцы ово море похађати почели. Іоштъ пре троянскогъ рата долазили су Аргонавти, и ньима слѣдующи Колхи овамо, и оснивали су вароши на сѣвернымъ островима и полуостровима илличкогъ приморя, гдѣ ни данъ данасъ ньихови, у митоску таму обучени походи заборављени нису. Равнымъ начиномъ пре троянскогъ рата іоштъ дошао є єданъ поглаваръ Етолаца, Діомидъ, овамо, коєга є име задуго са єднымъ предгорѣмъ Далмаціє, као и са нѣколико малыхъ острова скопчано остало.

Кадъ буде Троя разрушена, онда кажу да є Антеноръ са флотомъ овамо дошао, и на єдномъ далматинскомъ острову варошъ Корчулу основао.

„Либурни су были престали цвѣтати,“ вели Виргиліє, „кадъ є Антеноръ дошао; а за тимъ временомъ слѣдовао є у оно исто доба, кадъ су сеГрцы у южной Італіи (великой Грчкой) осилили были, е-

трускій періодъ на сѣверу Италіи. Етрусцы осную, као наслѣдницу Спине, варошъ Адрію на ушћу рѣке Пада, и ови етруски Адріянцы играли су у столѣћама послѣ троянскогъ рата скоро ону исту ролу, коя є послѣ Млѣтчанима у дѣо запала. Они су имали пристанке на различнымъ мѣстама ньиховогъ мора, а тако исто и на далматинскимъ островима, и поименце на Лисси, гдѣ се и данданашньій, као очевидно доказателство, да су они ту были, етруски ссудови и друге етруске древности копаю. Али етруско цвѣтанѣ по суразмѣрицы ніе дуго траяло. Варварски Галли упадну у сѣверну Италію и ослабе ихъ; а Грцы на югу одрже се дуже у снаги и животу.

Целти продеру изъ Италіе и у Иллирію, и осную тамо на источной страни ядранскогъ мора силну целто-иллирску кралѣвину, коя є етрускимъ населбинама на островима опасна была. Противъ овыхъ Целто-Иллиричана, кои су се све више и више силили, позову етруски Адріянцы сицилійске Грке у помоћь, кои подъ старымъ Діонісіємъ, тиранномъ са флотомъ дођу и на острово Лиссу поселе се. Наскоро затимъ дође и друга колонія одъ Грка, кои су се изъ острова Пароса изселили были, и спусте се поредъ Лиссе на острово Лесину, кою по себи Фаросомъ нареку. Послѣ овога времена, у петомъ, четвртомъ и трећемъ вѣку пре Христа цвѣтале су на овымъ далматинскимъ островима више грчкихъ населбина и ту є постояло грчко островско Царство, коє є одъ прилике тако изгледало, као што

данасъ изгледа оно, што данашньимъ даномъ Енглези дужь епирскогъ приморя подъ именомъ іонске републике држе. Сиракуско-грчка Лисса чини се као да є была глава ове островске републике. Одовуда су послѣ и на сувоземномъ приморю частице стекли, и у предѣлу данашнѣгъ Сплѣта вароши Трагуріюмъ (сада Трау) и Епезіюмъ (сада Стробецъ) оснивали.

За Грцыма су у южной Італіи, и мало по мало и свуда дошли Римляни. У Далмацію буду онако исто одъ обытателя грчкихъ островскихъ варошій дозвани, као што су исте ове вароши, докъ су іошъ етруске быле, Грке къ себи дозвале, а то ће рећи у помоћь противъ махъ отимаюће силе народа тврде землѣ, са коима се, као што самь већь рекао, далматински острови и приморя у вѣчной борби сматрати имаю. Првый островъ, кои Римляни заузму, было є и опетъ онай, кои средишту ядранскогъ мора и італіянскомъ прибрежю найближе лежи, а то є Лисса. Са острова и изъ Истріе осво€ Римляни послѣ борбе одъ две стотине година не само цѣло далматинско приморѣ, него и сву ону землю, кое є оно приморскій край.

Чини се, да се на послѣдку сва сила ове западне части грчко-славенскогъ полуострова на одпоръ противъ Римляна у єдной држави или у нѣкомъ виду републиканскогъ савеза скупила, кои є средиште или главну варошь у мѣсту одъ Римляна Далминіюмъ названомъ имао. Овай Далминіюмъ, Далма или Делме

лежао є у єдной долини унутри у земльи око десетъ миля далеко одъ мора кодъ Сплѣта. (Кажу, да є то данашнѣ Дувно варошица у Херцеговини). Можда ово име одъ славенскогъ Доль или Долина долази. Будући да су се ови Далминцы или Далмати Римлянима найдуже одупирали, а кадкадъ, кадъ имъ се срећа већма осмѣвала и цѣло приморѣ подъ своіомъ владомъ држали, то назову Римляни по ньима цѣлу провицію, кадъ є себи подложе, Далмаціомъ, коє се име, као и много друго коєшта, што су Римляни основали, и до данъ данасъ одржало.

Подъ Римлянима, кои су одъ ядранскогъ мора до Понта на Истокъ, а до Истра на сѣверъ свою владу разпростри были, престане политичка противположеность између приморя и изнутрашнѣ землѣ. Далмація, кадкадъ у ужемъ, а кадкадъ у ширемъ смыслу узимана, чинила є єдну часть велике римске провинціє Иллирика. Али како стане велика римска свѣтска влада падати, таки се и приморѣ унутрашньой земльи на супротъ стави. Германи, Готи, Хунни, Славени ослободе, ако тако рећи смѣмо, найпре пространне унутрашнѣ покраине одъ господарства Римляна, пакъ онда упадну и у приморѣ на источной страни ядранскогъ мора, и ту се найпослѣ ови послѣдньи, Славени, као обытательи землѣ и стане, и у варошима се римскій животъ, римски обычаи, римски устави обштества іоштъ дуго одрже, и много дуже него у варошима, коє су унутри у земльи ле-

жале, и коє нису съ мора помоћь тако лако добыти могле.

Римско се царство више путы дѣлило, далматинско приморѣ и острови припадали су кадкадъ источномъ, али понайвише западнѣмъ парству, єрбо су изъ Италіє лакше до ньихъ доћи, и лакше га бранити могли, пакъ онда и зато, што су одъ искони ядранскимъ моремъ више са италіянскимъ интерессима скопчани были, него са бизантійскима. Но кадъ па послѣдку бизантійско Царство само остане, онда оно наслѣди и врховно господство надъ ядранскимъ моремъ, и освои и задржи тамо крозъ много столѣћа више приморскихъ простора, коє є изъ свога ексархата у Равени управляло. А Равена є была онда одъ прилике оно, што су пре тога у рано римско доба Аквилея, а пре Римляна Адрія и Спина быле, обртача ядранскогъ морскогъ живота. Бизантійски цареви звали су ньихову дугуласту далматинску землю Thema, што се одприлике са „Талогъ,“ или порубъ превести дає: име, коє приморю врло приличує.

Бизантійски Грцы были су дуго столѣћа послѣ, кадъ є западный Римъ пао, што су были пре Римляна Хелени, главни радини на полю изображеня и трговине, и зато су могли свуда приморска мѣста са више или манѣ среће противъ пастырскихъ народа, коима є бродарство непознато было, бранити. Немаю броя бизантійске флотте, коє су у ядранско море улазиле, да тамо власть источныхъ царева одрже. Али доста путы, кадъ су се у Бизантіи слабыма осѣ-

ћали, морала су римско-грчка приморя и островске вароши и саме свою кожу бранити, па на овай начинъ постану мало по мало у њима независне и варошке обштине, мале республике, коє су се кадкадъ на свою руку са варварима изнутрашњима чупале и мирриле, и коє су бизантійскимъ царевима само да се зове подложне быле, одприлике тако, као што су нѣмачкимъ царевима нѣмачке слободне државне вароши. — У 9-омъ, 10-томъ, и 11-стомъ вѣку быле су Задаръ, Трогиръ, Сплѣтъ, Дубровникъ и т. д. такове слободне вароши-республике. Али одъ свію овыхъ обштина само є Дубровникъ умѣо и срећу имао слободу и самовладарство своє на дуго сачувати. — Кадкадъ, кадъ се опасность појави, видимо, гдѣ се нѣке одъ овыхъ варошій измећу себе свежу, и нѣкій видъ савезничства начине, тако, да овай изражай Suisse maritime (морска Швайцерска) коимъ се єданъ духапуный мужъ о далматинскимъ островима и приморю говорећи послужіо, ни за коє време болѣ неприличи, него за онай періодъ, кои є предъ угарскомъ и млѣтачкомъ пресиломъ ишао.

Млѣтчани, кои су одъ 8-огъ вѣка свою политичку и трговачку силу све више и више развыяли, морали су природно наскоро, као стари Пелазги, као Етрусцы изъ Адріє, као Римляни и Грцы око на далматинско приморѣ бацыти, єръ ако то нису имали, то нису у ядранскомъ мору господари быти могли. Већь у 10-омъ вѣку почну се они са далматинскимъ варошима и са законнымъ врховнымъ госпогарима

ньиховыма трти, быти, и договарати. Више путы освоили су єдну или другу, а више путы изгубили су ихъ паново, више путы уступили су имъ византійски цареви врховно господство надъ овымъ варошима, а више су путы ово, што су имъ уступили были, натрагъ узимали. Али іоштъ онда, кадъ єЦариградъ пао, чинило се, да є млѣтачко господство одъ Млѣтчана и Француза на много мѣста дужь цѣлогъ далматинскогъ приморя утврђено. Али они опетъ све изгубе, єръ се Угри подъ своимъ великимъ кралѣмъ яко осилише, и приморске вароши, да се одъ Млѣтчана ослободе, отворе своя врата Угрима. Но и тога є кадкадъ было, да су се нѣке вароши Млѣтчанима подлагале, да се Угара опросте.

Млѣтачкій дуждъ одъ давна є већь насловъ херцогъ (војвода) одъ Далмаціє узео био, кои су му византійски цареви кадкадъ допуштали, кадкадъ закраћивали, кадъ Угри, непытаюћи много, какво право Млѣтке, какво ли Цариградъ себи присвояваю, скоро цѣо старый Илирикъ, Хрватску, Босну, Херцеговину и Далмацію до Котора, и до граница Албанске подъ свою руку узму.

Но кадъ се Турцы на грчко-славенскомъ полуострову осиле, онда Угри у овымъ предѣлима ослабе, а Млѣтчани се осиле. Угарска снага буде у несрећнымъ биткама кодъ Варне и Мохача сломієна; Турцы немогоше іоштъ до ядранскогъ мора допрети: у ово доба, у 14-томъ и 15-томъ, а іоштъ са бољомъ срећомъ у 16-томъ вѣку стану Млѣтчани своя

права, коя су одъ бизантійскихъ царева добыли, тражити, и далматинско приморѣ све комадъ по комадъ себи подлагати. Ово су они у толико већма чинити морали, што су се у време сметня, кадъ се угарска влада у Далмаціи утрнула была, ту, а по именце на ушћама Неретве, а доцніє кодъ Омаша и на другимъ нѣкимъ мѣстима мале разбойничке државе начиниле быле, коє су млѣтачкой трговини здраво досађивале. Послѣ дуго траюће борбе са овымъ Неретванцыма и Омашанима, и са далматинскимъ варошима, коє су све єднако за своіомъ самосталношћу тежиле, али се снажно одупрети нису могле, съ єдне стране због тога, што више одъ Угара и Србаля помоћи нису добыяти могле, а съ друге пакъ због тога, што є време слободныхъ малыхъ варошкихъ обштина овдѣ као и свуда по Европи прошло было, задобыю најпослѣ Млѣтчани скоро све далматинске острове, и скоро цѣло приморѣ чакъ до котора долѣ. Само варошъ Дубровникъ и нѣгову область имали су єдаредъ на кратко време као пролазећи. Ово є была, као што самъ већъ споменуо, єдна одъ римско-грчкихъ обштина у Далмаціи, коя є у саюзу најпре са бизантійскимъ царевима, послѣ са наслѣдницыма тыхъ, турскимъ султанима, и Млѣтчићима срећно одупрла, и свою независность сачувала.

Али Турцы, кои су Млѣтчанима, као што рекосмо, своимъ побѣдама надъ Србльима и Угрима изпрва на ядранскомъ мору добру услугу учинили, почну се

сада са своє стране овоме мору приближивати, и млѣтачкой влади тамо грозити. Они наскоро сѣдну у више мѣста башъ близу прибрежя, н· пр. у Клиси кодъ Сплѣта, Скрадину кодъ Шибеника, и млѣтачка Далмація была є скоро само на острове и єданъ сасвимъ узацакъ порубъ приморя ограничена. Стане се чинити, да ће Млѣтчане, како но пріе Угри, тако садъ Турцы сасвимъ изъ Далмаціе изтерати. Да су Турцы, кадъ су на Бечъ подругій путъ ударали, срећни были, то бы се ово можда и догодило. Већь є био Скендербегъ побѣђенъ, хрістіянска Албанія пала є была подъ ньи. Али Турцы страдаю подъ Бечомъ, па таки за тимъ подъ Будимомъ и т. д. а къ тому буду одъ Аустріянаца изъ Унгаріе сасвимъ изтерани, те тако Млѣчићи оддахну. Далматинскій островскій архипелагъ Турцы су само са оныхъ высина, коє су заузели были, издалека видѣли. И ако су Млѣтчани у источнымъ предѣлима Турцыма и уступили, то су имъ се опетъ овдѣ у западнымъ краєвима већма одупрти могли. Слѣдовало є више крвавыхъ ратова, али су ови за Млѣтке срећно испадали, и тако су Млѣтчани са острова и прибрежія све више и више у унутрашньость поступали, и у течаю 16-тогъ и 17-стогъ вѣка єданъ край за другимъ, послѣ земаля тако названогъ „vecchio acquisto“ (старе теченије) краєве тако нареченогъ „nuovo aquisto“ (нове теч.), па найпослѣ „nuóvissimó acquisto“, (найновію теч.) освоили. И тако є найпослѣ оприлике у почетку 18-стога вѣка млѣтачка Далмація го-

тово у онымъ границама стояла, као што є и данашный данъ видимо.

Млѣтчани, ако узмемо рачунити одъ оно доба, кадъ су се првый путъ у Далмаціи появили, требали су осамъ стотина година, а ако почнемо одонда рачунити, кадъ су подругій путь послѣ скрушене угарске силе на прво стали, требали су око три стотине година, докъ су свою Далмацію комадъ по комадъ тако саставили, како су є одъ почетка 18-тогъ вѣка, одприлике ісштъ за сто година мирно држали и управляли.

Друга сила, коя се на развалинама мађарске и отоманске величине на Дунаву разширила, срећный Домъ Аустрійскій, была є и у овомъ срећнія. Она є цѣлу, комадъ по комадъ заставляну млѣтачку Далмацію на єдаредъ наслѣдила: кадъ су Французи изтрошену кућу дуждева и Синьорію срушили, падне єднымъ повлакомъ пера у кампо-формійскомъ миру Далмація цѣла къ Аустріи. Истина да є Аустрія послѣ опетъ изгуби, али на кратко време, доцніе, кадъ Наполеонъ падне, добыє она не само опетъ цѣло натрагъ, него допуни далматинско приморѣ іоштъ и са облашћу обштине Дубровачке, кою Млѣтчани никадъ добыти нису могли, и кою су и опетъ Французи за Аустію срушити имали.

Изъ овогъ краткогъ прегледа политичке судбине источногъ ядранскогъ приморскогъ края, види се дакле ясно, да се онъ манѣ или више крозъ сва времена као такова особита на дуго пружена при-

морска область представляо, као што га є и данасъ видѣти. Понайвише су владале њимъ італіянске, и грчке, као у обште средиземне изображене силе, и одкидале су га одъ нѣгове тврде землѣ, најпре као Финичку, пелазгійску, либурнійску, етруску, послѣ као грчку населбину, доцніе као римску приморску провінцію, као бизантійску тему, најпослѣ као млѣтачкій генералный проведиторіятъ. Најдуже времена био є са Италіомъ скопчанъ, не може се опредѣлити за колико вѣкова подъ Пелазгима и Етрускима, подъ Спињанима и Адріанцыма, послѣ подъ сіцілійанскимъ Грцыма, доцніе четыри стотине година подъ Римљанима, послѣ опетъ осамъ стотина година подъ Млѣтчанима, и најпослѣ нѣколико година подъ основанымъ одъ Наполеона Regnó d' Italia. Али є кадкадъ н. пр. у нѣкимъ дѣобама римске царевине, и послѣ за четыри вѣка, кадъ буде западный Римъ разоренъ, и источнымъ Грцыма припадао. У осталомъ и ніе се ова земля никадъ сасвимъ уплыву догађая, кои су се на тврдой земльи, одъ кое є она само приморскій край была, збывало, измаћи могла. Нѣколико су є путы узимали стари иллирски, и послѣ целто-иллирски кралѣви. Готи, Хунни, а послѣ више него сви, Славени продрли су овдѣ чакъ до мора. Нѣко време заузели су были Угри скоро цѣлу землю, доцніе доћу Турцы поне до высокога краичка прибрежія. Увѣкъ є стояо тврдоземный Истокъ грозећи овой земльи за леђима. Али у цѣло ипакъ дуже є надъ њомъ господаріо

западъ него истокъ. Найпослѣ у наше време придобыє аустрійска тврдоземна сила све себи. Но и опетъ скоро у исто време съ њомъ завириле су и друге морске силе у ядранско море: найпре Русси, кои су у почетку овога столѣћа првый путь дошли, а послѣ Енглези, кои су већь єданпутъ ядранску Малту, острово Лиссу, крозъ пѣколико година, као оно раніє на истомъ путу дошавши Грцы и Сіціліянцы, посѣли и држали были, и кои се сада іоштъ у вратма ядранскогъ мора на Корфу острову стоє.

Ново сузвѣздіє, у коє є садъ одъ почетка овогъ столѣћа источно приморѣ ядранскогъ мора ступило, може се, чини ми се, овако означити: коє своіомъ силомъ, коє помоћу Русса и Енглеза, кои су овдѣ противъ Француза флотама дѣйствовали, представля се сада Аустрія на цѣломъ ядранскомъ мору као наслѣдница Млѣтчана, Аквилеянаца, Адріянаца, Грка, Пелазга, и Либуріянаца, и у обште, свію оныхъ сила, коє су кадгодъ съ овымъ моремъ господариле, и справля се одъ нѣко доба са више одважности, него икадъ досада, да се у овомъ мору као морска сила установи. Ако бы се Аустрія кадгодъ— што се за сада очекивати неда, али што хисторикъ свагда као могуће мыслити мора— са своимъ садашньимъ пріятельима завадила, то бы Француска, Енглезска, Руссія особито опе силе быле, о коима бы се рачунити имало, шта оне при томъ намѣраваю, и чему се надати имаю. Француска бы могла само као подпомагатель тако речене італіянске независности,

као старый покровитель Regno d' Italia, ков нигда бѣла свѣта видѣти неће, на Далмацію дѣйствовати. Као таковый држала є она єдаппутъ у почетку овога столѣћа, као што смо примѣтили, све приморске землѣ ядранскогъ мора крозъ нѣко време. Но на срећу турена є она сада здраво у закутакъ, и забављена є своимъ африканскимъ походима у западнымъ одсѣцыма средиземногъ мора. — Више напредъ стоє, као компетенти, накоє се позоръ имати мора, Русси и Британцы. Русси, коє су већь често наслѣдницыма бизантійскихъ царева нарицали, бацыли су такође већь одъ дужегъ времена око на Далмацію, као и на све друге са прећашньимъ грчкимъ царствомъ скопчане землѣ. Кодъ немногобройныхъ Грка землѣ имаю симнатіє, коє се лако разумѣти даю, а у Црногорцыма чуваю себи већь више одъ сто година савезнике и пріятелѣ. Мимогредъ држали су они већь єдаредъ околину которску, далматинске острове Корчулу и Лиссу, и нѣке друге посѣднуте. — Британцы, коихъ се трговачкій уплывъ у левантскимъ водама до данашнѣгъ дана све на више дизао, кои већь и капію ядранскогъ мора, корфъ, посѣднутъ држе, ради бы были безъ сумнѣ и у утроби овогъ мора коє мѣстаще добыти, и бацыли су по свой прилицы око на Лиссу и Которъ, или на какво пристаниште Албаніє. Они су, као што смо већь рекли, крозъ нѣко време у почетку овога столѣћа држали.

СЛОВО

НЕТРУ II. ПЕТРОВИЋУ НЂГОШУ

господару Црне Горе и Брда.

Дакле Петаръ владатель Црне Горе, умрео! — Оно юначко тѣло, коє се за столѣћа створено чинило, у земљу паде! — Оно красно тѣло, коє є створитель у часу особите милости за узоръ лѣпоте свѣту представіо, труне.

Тако є! — Одъ смрти не одбрани ни господство, ни сила; — Одъ нѣ не одкупи ни красота ни младость: ко се родіо мора умрети!

Страшна мысао! Єси ли у найважніємъ дѣлу, одъ кога срећа міліона зависи, коє читавомъ столѣћу темель полаже: нисн одъ смрти сигуранъ; — у средъ посла зашушти нѣна све єднакомъ мѣромъ подсѣцаюћа коса, и ты, радость садашньости, и надежда будућности, падашъ равно ономъ цвѣтку на ливади, кои косачъ покоси! Тако є клонуо, грдна рана наша, војвода Стефанъ Витезъ у средъ подизања војводовине Србіе!

Єси ли другій Краљевићъ Марко; стрепе ли предъ тобомъ земље и градови; стоє ли око тебе хиљада найизбранiихъ юнака, готовыхъ на мигъ твой у ватру у воду скочити, и за тебе до єднога изгинути: ниси одъ смрти сигуранъ; — съ главе на главу корача она нечуйнымъ кораком, и кадъ на твою стане, — ты, страхъ и ужасъ свѣта, падашъ, као што є Душанъ пао, безъ душе у наручя твоихъ юнака.

Єси ли свештеникъ истине, узлеће ли мысао твоя у недокучне другомъ оку высине причина; спушта ли се мысао твоя у недозорне другомъ оку дубьине суштества: ты ниси одъ смрти сигуранъ: — леденый свой прстъ метне она на уста твоя и ова на свагда онѣме, као што су онѣмила медоточна уста Доситія!

Или си дане твоє светой лѣпоти посветio; гледи ли око твоє ликъ небесне Уранiє, слуша ли ухо твоє гласъ сфера: ниси одъ смрти сигуранъ; — на єдаредъ стане предъ очи твоє нѣнъ окостникъ, наєдаредъ чує ухо твоє клопотъ нѣныхъ костiю; срдце у теби стане, и ти лежешъ у землю као што є у ню легао Мушицкiй!

Силна є смрть, и страшна є смрть: али и она има побѣдителя! Велика и славна дѣла не даду човѣку сасвимъ умрети; у великимъ и славнымъ дѣлма живи човѣкъ и послѣ смрти!

„Свакъ є рођенъ, да по єдномъ умре:
Часть и брука живе довиєка.“

Лѣпо є ову велику мысао у тѣло увыо народный нашъ пѣсникъ, увѣраваюћи насъ, да се найвећій юнакъ народа нашегъ Кралѣвићъ Марко, нѣкудъ у неприступне пећине скрыо и тамо— спава!

Смрть великогъ човѣка заиста и ніє друго, него дугачакъ, дугачакъ санъ!

Ніє намъ могла судбина силніи образацъ, поразителности, и сяйнію прилику немоћи смрти представити, него у смрти Владике Петра, славногъ владѣтеля юначке Црне Горе.

Осниваюћи будућность свога народа као војвода Стефанъ; силанъ и красанъ тѣломъ као Душанъ, и окруженъ юнацыма, кои су стотине Хиляда люте Малесіє побѣђавати научили; учитель свога народа као Доситіє; пѣсникъ као Мушицкій: и опетъ паде, — паде у найболѣмъ цвѣту своме.

Али исто тако као Душанъ и Доситіє; као Стефанъ Витезъ и Мушицкій живи, и живи ће онъ и послѣ смрти. Као Кралѣвићъ Марко отишао є и онъ нѣкуда у неприступне пећине ломне своє Црне Горе, и легао є — спавати.

Тужный овай парастосъ, кои велпкомъ пріятелю свѣтлый и духомъ нѣму сродный мужъ дає, првый є знакъ, у комъ се новый овай нѣговъ животъ појавлює. Стотине миля разставляю Црну Гору одъ Беча; тѣло нѣгово већь се у црной земльи одмара: — пакъ ево данасъ у Бечу дає се нѣму, ако и тужно торжество; не одъ отца, не одъ брата, не одъ сродника, него одъ оныхъ, кои су га у своме вѣку єдино єданъ или

другій путъ видѣли, само єданъ или другій путъ съ њимъ говорили; а многи га ни познавали нису: — многи ће га данасъ текъ, а многи болѣ негъ докъ є живъ био познати.

Утѣшително є за човѣка, кадъ види, да има начина, коимъ се дає и сама смрть побѣдити. Благодѣтелна мысао ова уздигла є многе племенитіе духове, и навела ихъ є, да почине дѣла, коима се свѣтъ диви и чуди. Сяйна звѣзда ова, коя къ себи люде, као свѣћа лѣптирице, неизразномъ и непреодольномъ силомъ привлачи, зовесе: Безсмртность. По њой є упокоєный владыка Петаръ животъ управляо; она му є жаръ и силу улила, коя насъ у нѣговымъ безсмртнымъ дѣлама узхићава!

Животъ великогъ човѣка има за люде особиту дражесть. Не зна се, или имъ є већа сласть, што у нѣму природу свою до демонске высине узнешену виде; или што ихъ изъ безсмртныхъ створова вѣчна истина и лѣпота овѣява, или што имъ се предъ око духа непрегледный онай ланацъ великихъ и благодатныхъ средства ставля коя изъ таковогъ живота за людство изтичу!

А упокоєный Владыка био є єданъ одъ найзнатніихъ, одъ найвећихъ мужева народа србскогъ. „И заиста“ вели єданъ Нѣмацъ „я мыслимъ, да се овай владыка великимъ човѣкомъ нарећи може.“

Петаръ Петровићъ Нѣгошъ, родіо се о врачеву дну (1. Юлія) 1813. Равно као да є хтѣла судба

тимъ назначити, да га є за врача државногъ живота у Црной Гори одредила.

Ништа на овомъ свѣту безъ вышнегъ опредѣленя не быва. То се и кодъ упокоєногъ владыке показало. Св. Петаръ, кои є предъ ньимъ Црномъ Гором владао, имао є три брата, Стефана, одъ себе старієгъ, и Савву и Тому, млађе. Свакій одъ овыхъ имао є сынова. Раде, сынъ Томинъ, показывао є одъ прве своє младости изванредне дарове природе:

„Текъ соколу прво перѣ никне,
Онъ не може више мировати,
Него своє размеће гниєздо,
Грабећ' сламку єдну и по єдну,
Съ ньомъ путъ неба бѣжи цыючући.

Св. Петаръ примѣтіо є добро изванредный духъ младога свога сыновца, али прво што є быо онъ старъ, а дѣте превећь младо, а друго што се по светой своіой мысли бояо, да старіємъ на жао не учини, ако млађега за наслѣдника узме, избере најпре Димитрія, сыновца одъ најстарієгъ брата свога Стефана, и произведе га за Архимандрита манастыра Станѣвића, и назначи га себи за наслѣдника. Али є Промысао Петра за владателя Црне Горе опредѣліо быо, и Димитріє є морао — ўмрети. Іоштъ є живіо св. Петаръ, кадъ му се сыновацъ и назначеный наслѣдникъ Архимандритъ Димитріє престави. Добрый владыка узме садъ Ђурђа, сыновца одъ брата Савве, и пошлѣ га у Руссію, да се тамо изобрази и нѣму за

наслѣдника преправи. Али є Промысао Пе́тра за владѣтеля Црне Горе опредѣліо био, и Ђурђе му є морао уступити. Ђурђе добыє таку ватрену наклоность къ воєномъ животу, да се нипошто ніє могао склонити на то, да се закалуђери. Али владатель Црне Горе мора быти владыка,— и Ђурђе са своє стране резигнира! стане у русску воєну службу и остане у ньой 11. година.— Садъ светый владыка съ лакимъ срцемъ остави престолъ свой ономе, комъ га є очевидно самъ вышшій промысао опредѣліо, и даде му свой благословъ, и — своє име. Єръ упокоєный владыка ніє се пре тога звао Петаръ, него Раде, и текъ му є умирући великій Црне Горе обранитель то име, своє име дао, знакъ, да є проницателнымъ своимъ духомъ предвидіо, да ће му име на овомъ дѣтету іошть више славе и свѣтлости добыти.

Послѣ смрти стрыца свога оде Петаръ у Петроградъ и тамо се завладычи. Петаръ I. дошавшъ 1789 у Петроградъ, морао є безъ знања Царице Єкатерине, и као што се послѣ видило, противъ нѣне найболѣ волѣ, због непріятельства између Зорића и Потемкина, на заповѣсть овога за два сата Петроградъ оставити, и изъ Руссіє одлазити; Петаръ II. имао є срећу, да є, кадъ су га за владыку посвећивали, цѣла царска породица присуствовала. Младићу дакле, кои є позванъ быо, да одъ 17. година владу надъ найслободніимъ, найсиловитіимъ народомъ у Европи у руке прими, показала се таки у почетку наклонитія, него нѣговомъ великомъ стрыцу. А срећа, у колико є велико добро кодъ приватногъ човѣ-

ка, у толико безконачно много веће добро кодъ владѣтеля. Нѣгова срећа постаѥ срећомъ землѣ, коіомъ онъ управля.

Кадъ младый владыка изъ велике Руссіѥ у малу свою Црну Гору дође, види да га она судбина коя га ѥ на престолъ довела ніѥ на меканъ душекъ посадила, него на тврду, одъ камена црногорскогъ изсѣчену столицу, да га она ніѥ подигла, да се одмара, него да ради, да га ніѥ узвысила да нѣму него да народу послужи.

Крвави боѥви, у коима су се непрестанно Црногорцы са Турцыма налазили, начинили су истина изъ слободныхъ обытателя Црне Горе юнаке душманину страшне, али ньиховъ душманинъ био ѥ свакій ко ихъ увреди, па ма му и братъ рођеный био.

Сяйне побѣде, коѥ су они надъ 30,000 войске Бушатлійне (1774), надъ 40.000 людій, коѥ ѥ ћехая везира босанскогъ на ньихъ водіо (1750), надъ Арслан'-пашиныхъ 60.000 (1613), и надъ Ахмет'-пашиныхъ 60.000 (1712); и невѣроятна скоро побѣда, кою су надъ три везира и 120.000 людій 1768 год. одржали, сачувале су слободу ньине преко свега люблѣне Црне Горе: али су слободу ову до самовольства свакога силовитіѥгъ главара и племена узхитили.

Стародревный обычай крвне освете, ніѥ нигдѣ тако бѣснити могао, као кодъ слободныхъ, поноситыхъ, юначкихъ и силовитыхъ сынова Црне Горе.

И ово су были црви, кои су и само быће Црне Горе подгрызали. Ово домаће кланѣ, самоволя пле-

мена, и крвна освета довела су год. 1714 ћупрельића, а год. 1785. Бушатлію на Цетинѣ.

„Врагъ унеси саблю међу њима,
Разлучи се крвава племена,
Међу собомъ замѣни боєве,
Па у ону крваву поламу
Єдна страна здружи се съ Турцыма,
Те превали преко Горе Црне.“

Вели игуманъ Теодосія;

„Али нейма силе на свиєту,
Кадъ є слога међу Црногорце,
Нейма силе, нит' є досадъ было,
Да покори ломну Црну Гору
Свуколику съ мора на Морачу.“

говори истый.

Светый Петаръ ніє ни єданъ бой противъ Турака изгубіо, али є ипакъ цѣлогъ своєъ живота за Црну Гору у страху и бриги био због тога, што су се Црногорцы између себе клали, и у самовольи своіой владателя свога не слушали. Племе Баице цвѣлило є крозъ васцѣлый животъ срце народолюбивогъ овогъ владѣтеля. На краю скоро владе своє пише онъ: „Видите, да самь већь остаріо, и да самь више одъ вашегъ самовольства и непослуха, него ли одъ моє старости ослабіо. Я видимъ да ћу и душу изгубити, како самь и здравлѣ изгубіо, радећи у 36. година за ваше и ваше дѣце добро, коє вы не познаєте, и никадъ га познати нећете. . . . Я не престахъ у летнѣ

и зимиħ доба, идуħи съ єдногъ мѣста на друго, за прекратити вашу домаħу рать и крвопролиħе, ков бѣше на све стране међу вама.“

Св. владика добро є био познао, шта му треба учинити, да постоянħ свога отачества утемељи. Онъ є цѣлогъ свога живота на то ишао, да самовольство угуши, и законъ господаремъ учини. Али у колико є више у томъ успѣо, да слободу Црне Горе сачува, и славу нѣногъ оружія по Европи разнесе: толико му є манħ овай правый задатакъ нѣговогъ живота за рукомъ изпао. Ово башъ послѣдній часъ нѣговогъ живота найясніе показує. Год. 1830 на св. Луку (18. Окт.) уреченъ є био данъ народне скупштине, да се на ньой нека племена помире, коя су была закрвлѣна. У очи истога дана преминe овай добрый, неутрудный, смиреный владѣтель. Сутра данъ, чуюħи скуплѣни Црногорцы, да є преминуо владыка, повичу: „Нестало є онога кои намь є браніо, да се не поколѣмо: садъ да се осветимо єданъ другомъ безъ сваке запріске, што є кои коме дужанъ!“ Главари скоче и почну ихъ заклиняти, да то не чине. По томъ изнесу мртво тѣло у народъ и єданъ главаръ повиче: „Ходите браħо, да се надъ мртвымъ нашимъ господаремъ закунемо, и да му послѣдній аманетъ испунимо. . . . . Положимо заклетву предъ иьимъ и вишньимъ Богомъ да ухватимо вѣру одъ салъ до ђурђева дне. На то се народъ склони, положе сви унакрстъ пушке на сандукъ упокоєпогъ

господара, и закуну се, да ће миръ и любовь до ђурђева дне између себе држати.

Ево овако є цѣлогъ нѣговогъ живота было. Они су се свагда само нѣму за любавь мирили, а законъ є за њи био мртавъ. Владыка є истина на светогъ Луку 1798 законъ донети дао: Али ніе ту радость ни послѣ 30 година дочекао, да є овай законъ у срцу нѣговыхъ Црногораца оживіо. А миръ землѣ кои се на любави коме, а не на закону и живомъ осећаню тога оснива, траје одъ данасъ до сутра, одъ Св. Луке до ђурђева дна.

Прва сцепа дакле коя се оку наслѣдника Св. Петра представила, показала му є задатакъ, кои рѣшити има. Овай владѣтель одъ 17 год. имао є те хале а не људе укротити, кои не знаю.

„Ће страхъ лежи, — каква му є мати;“
имао є законъ у животъ увести у народу, о комъ важи оно Роганово

„Закопъ му є, што му срце жуди,
Што не жуди, у коранъ не пише;“
имао є изъ купе слободныхъ горскихъ обитателя слободну државу начинити. Грдный заиста задатакъ кадъ се помысли, да є Петаръ I. са свимъ своимъ великимъ владѣтелскимъ даровима 50 година о томе радіо, и на своіой смрти ніе ни за єданъ коракъ напредъ поступіо био.

Упокоєный владыка добро є проникнуо было, да овай народъ одъ юпака гвоздену руку треба, коя ће му вратъ подъ законъ савыти. Праведна строгость

владѣтеля найблоьій є пріятель закона. Любавлю водити се даю само дѣца или сасвимъ изображени люди: Горскомъ юнаку, кога силе тако рећи разпиню указує се любавь као слабость; опъ само може поштовати волю, коя се сломити неда; онъ се покланя само сили и правди кадъ ове спарене предъ њега стану:

„Небо нема безъ грома цыєну.“

Пре свега постара се онъ врховну власть єдномъ, цѣломъ и нераздѣленомъ учинити; и зато є морало достоинство Губернатора престати. Радонићъ кои се у губернаторству застао, морао є ићи у изгнанство; а покушенѣ Вукотића имало се угушити. И текъ онда кадъ є врховну власть пуну у своє руке добыо; кадъ ніє имао никога край себе, кои бы му могао сметати: Онда є могао велико своє дѣло започети, онда се могао надати, да ће га свршити.

Якъ законъ безъ якогъ правителства и помыслити се неда. Зато младый владыка разпусти старо правителство св. Петра и састави ново подъ именомъ Сената. Сенатъ є имао быти представникъ народа, зато є у њега за Црну Гору 8. за Брда 4. Сенатора позвао. Ови да могу свагда безъ обзира само оно чинити, што имъ паметъ и савѣсть као добро за државу предлаже, да могу законъ у свакой прилики одржати, и кадъ овай противъ єдногъ или другогъ племена устає морали су одъ народа независнима учинѣни быти. И ово є условлѣ изпунѣно почемъ имъ є плата одређена. Да Сенатъ не постане сѣнка,

морало се све што онъ изрекне извршити, а то се ніе смѣло народу на волю оставити хоће ли то да учини или неће. Зато є 40. перяника установіо, кои су своіомъ силомъ гласу сената подпуну текъ важность давали, кои

„— ће дођу, донесу грозницу.“

У провінціяма одузме власть природнымъ племена главарима, и постави 14. капетана а свакомъ даде гвардію по 7—10 людій. Кадъ є овако себи органе створіо, онда рекне наєданпутъ: „Ово є законъ, овако мора быти.“ И тако є и было, као да є свето. И онъ доживи ту радость да є по оной земльи, по коіой пре нѣга рођеный нѣнъ сынъ слободно пролазити ніє смѣо, ма кои туђинъ у подне, поноћи, посредъ шума, край найдубльихъ провалія, као ма у коіой одъ найуређеніихъ европейскихъ држава ходити могао. Законномъ своіомъ строгошћу дотѣрао є дотлѣ, да су га се они юнацы, кои пѣваюћи предъ непріятельске пушке иду, кои жале, кадъ є комъ суђено у кревету одъ болести и старости умрети, као грома бояли. За 20. год. своє владе уселіо є онъ страхъ одъ закона на толико у срца разпуштеныхъ оныхъ одъ 1830 год. Црногораца, да є могао државу на дуже времена саму безъ себе оставити, па се државна машина ніє пореметила. Крвна освета умукне; а ратови племена, на коє законникъ Св. Петра виче претає се. Ідеа државе зазори у главахъ Црногораца, и они се почну осѣћати као грађани єданъ наспрамъ свію, и сви наспрамъ єдногъ, докъ су се

пређе само наспрамъ Турчина као Црногорцы осѣћали, а између себе као Бѣлопавлићи, и Братоножићи, и Пипери и Дрекаловићи и т. д. живили. Великій є то као што смо видѣли задатагъ био; требало є ту муке и труда много и много; а ніе био тай великій посао ни безъ опасности; али є Петаръ II. ипакъ предузето дѣло срећно свршіо: онъ є Црну Гору, управо у брой устроєныхъ држава увео; онъ своимъ собственымъ рѣчма може казати:

„Ніе стыдно похвалит' се право,
Я учиних' што нико немога
Одъ кадъ ове горе поникоше."

Са єднакимъ тактомъ управляо є Петаръ повѣреномъ себи државомъ наспрамъ странныхъ сила. Маньи наспрамъ већега треба свагда више да таре своју паметъ, него силе. Ратови су за сваку државу зло: а за малу су права затрица

„Скендербегъ є срца Обилића,
Ал' умріє тужнымъ изганикомъ.
. . . . . .
Мало рукахъ, малена и снага
Єдна сламка међу вихорове."

вели право владыка Данійло.

Зато се владыка Петаръ II. одъ великихъ ратова чувао. Са Турцыма є само два рата имао: Кадъ є оно таки у почетку нѣгове владе Намик'-паша на нѣга удариo, и кадъ се 1842 год. са Али-пашомъ Стоћевићемъ о Грахово полѣ препирао. У ономъ првомъ рату освѣтлаю Црногорцы своимъ оружію образъ

противъ уредне Турске войске; султанскій низамъ морао є првый путъ предъ њима бѣгати. Овай другій са Али-пашомъ свръши се безъ многе крви договоромъ. Грахово остане неутрално. Међутимъ владыка узме одъ Грахова нѣке люде у Сенатъ и перянике; а Турцыма се нѣшто мало данка дає.

Подъ Петромъ II. никадъ ніе опасность Црной Гори претила, као она, кадъ су прећашньихъ година по 50—100.000 Турака на ню нападали. Онъ є умѣо свою државу одъ подобныхъ опасностій сачувати. Године нѣговогъ владања могу се годинама мира за Црну Гору наречи. Истина є, да є у томъ времену нѣколико крававыхъ случаєва было. Тако є 15. Юн.я 1839 Бећир-ага сыновацъ, одъ Црногораца, убієногъ Мехмет'-паше Бушатліе са 6000 лютыхъ Арбанаса

„Безкућника и безобразника,
Одъ зла отца а одъ горе майке,
Кои нема куће ни баштине,
До у поясъ свиетло оружѣ
А на раме брешке и Латинке.“

као и 4000 низама на Брђане удариo, али млого людій изгубіо па и самъ погинуо; тако су 9. Септ. 1840 год. три Турска сердара са 7000. Малисора на Жуну ударили али са найвећомъ срамотомъ бойно полѣ оставити и у градъ Жаблякъ затворити се морали. Было є іоштъ и другихъ нѣкихъ маньихъ случаєва. Али кадъ се на прећашня времена погледи, то се мора рећи, да Црна Гора никадъ болѣ за бой преправлѣна ніе была, и опетъ никадъ манѣ боєва имала

ніе. Єръ премда є Петаръ II. то за главно начело имао, са сусѣдима у миру живити, безъ особите корысти бой не починяти, а лако не дати, да до нужде лоѣе, бранити се: то є онъ ипакъ свою Црну Гору средствама за бой тако снабдѣо, како никада снабдѣвена ніе была. Двапутъ є Црна Гора, год. 1750 кадъ є ћехая паша са 40.000 и год. 1768 кадъ су три везира са 120.000 войске на ню напали, у опасности была, пропасти съ тога, што іой є пушчаногъ праха нестало: али садъ, одъ како се Петаръ II. зато постарао, неће тако лако у ту неприлику доћи.

Св. Петаръ непрестано бой біюћи, оставіо є источену државу своме наслѣднику. Народъ є тако био изцѣѣенъ, да нису зашто имали ни оно купити, што имъ є нуждно было, да животъ сачуваю, прахъ пушчаный, него є владыка своє архіерейске драгоцѣнности коєкуда позалагао био, коє є упокоєный владыка све поизкупіо. Петаръ II. оставля нѣкій видъ бгагостаня у Црной Гори, колико се то са голымъ онымъ врлетима сложити дає

„На коимъ се излежу орлови,
Съ коимъ вѣчно ратую громови.“

А то є плодъ нѣгове политике мира споля, и законногъ реда унутри у држави. Ніе чудо дакле, што су га сви у оной истой мѣри любили, у коіой су га се бояли. Лѣпо ми є єданъ Црногорацъ любовь народа къ владыки описао овимъ рѣчма: Кадъ є господаръ изъ землѣ кудъ отишао био, ту се нигдѣ ни

єдиога гласка чуло ніє; а кадъ се онъ у своє Горе вратіо, онда су се хорила брда одъ пѣсана.

Особито є пакъ на миръ и пріятельство са сусѣдномъ Аустріомъ много држао. Онъ є врло добро проникнуо, шта велика, изображена Аустрія нѣговомъ отачеству быти може, кадъ политику свою природномъ своме на Истоку задатку сходно устрои. Великій нѣговъ духъ предвидіо є, и незнаюћи, годину 1848; и зато се спрама Аустріє онако владао, како ће се новой Аустрійской политики на по пута на сусрету наћи. „Царъ Аустрійскій“ вели єданъ списатель, „наслѣдникъ Млѣтака, има зашто желити, да се Црна Гора, ова стѣна, о коіой се бѣсни таласи турски крше, сачува, и да яка остане.“ Зато є владыка Петаръ у покрету год. 1848 у изданой на Бокелѣ прокламаціи као искреный пріятель Аустріє напрво стао; зато му є и садъ на самрти єдна одъ послѣдньихъ рѣчій была; Чувайте миръ и пріятельство са Аустріомъ. —

Пріятельство Руссіє сачувао є као драгоцѣнный аманетъ своихъ предкова, и предає га цѣло и неповрећено своме наслѣднику.

Подъ овимъ владѣтелѣмъ разширила є Црна Гора понѣшто своє границе. Год. 1831 придружессе Црной Гори Кучи; а и Грахово има своє представнике у црногорскомъ Сенату.

Овако є Петаръ II. као владѣтель дѣлао. Али онъ се появіо и на другомъ полю; онъ се блиста и као великій Пѣсникъ србскій.

Три су већа дѣла изышла изъ пера безсмртногъ овогъ Пѣсника: „Луча Мікрокосма“ — „Горскій Вѣнацъ;“ — и „Лажный царъ Шћепанъ.“

Прво одъ овыхъ дѣла представля нѣговъ собственный животъ у митосу: борбу начела величества са противницы, борбу закона са самовольомъ, борбу свѣтлости са тамомъ, борбу сталности са промѣнителношћу. Премда пѣсникъ „Луче мікрокосма“ несвѣсть наводећу высину пѣсника „Изгубљногъ рая,“ съ коимъ се на овомъ полю састає, не достиже: али свакимъ повлакомъ свога пѣсничкогъ образа показує, да се Мелпомена на нѣга у колѣвцы већъ насмѣяла. Пѣсникъ „Горскогъ Вѣнца“ и „Малогъ Шћепана“ и ніе могао на полю алегоріе свой правый кругъ дѣланя наћи. Коє є перо позвано, да напише „Войводу Драшка“ „Вука Мићуновића“ „Вука Мандушића“ игумана Теодосія,“ за кога право вели войвода Драго:

„Броє люди у сву Црну Гору
Да имаде по оке памети,
А у тебе толико самога.“

за оно нису облацы и магле, рай и пакао, анћели и ћаволи да ихъ описує, него Црна Гора, и нѣни юнацы и ньиховъ животъ па да што напише, што ће рѣдко кои другій моћи.

И тако право огледало пѣсничкогъ духа упокоєногъ пѣсника — митроносца єсу друга два нѣгова дѣла: „Горскій Вѣнацъ“ и „Шћепанъ Малый.“ Ова ће два дѣла живити, докъ є Црне Горе, и докъ се по нѣныхъ пећинахъ српски гласи хорили буду.

Рѣдко кои народъ да има подобно коє дѣло. Іошть є 1847 год. рекао єданъ славнопознатый садъ вечь на жалость нашу такође упокоєный пѣсникъ нашъ за Горскій Вѣнацъ: да є то „пѣсна украшена силомъ дубокихъ и высокихъ мыслій; пѣсна правогъ топлогъ поетичкогъ одушевлѣня; пѣсна, какве нема сваколика доякошня умѣтна поезія наша!“ А я придаємъ Горскомъ Вѣнцу Малогъ Шћепана, и велимъ: да оба ова дѣла принадлеже у брой найизврстниєга, што є духъ людскій ма гдѣ у свѣту произвео!

Само не треба у овимъ дѣлама обычне драме тражити: ко то узради, тай ће се тако исто превари-ти, као што се вара, кадъ у Фаусту Гетеовомъ обычну драму тражи!

Може се мыслити, коликій є ово духъ быо, кадъ є све ово, што смо само у найкрупніимъ чертама навели, самъ собомъ учиніо, самъ изъ себе изцрпіо, єръ треба знати, да Петаръ II. нигдѣ изванъ Црне Горе штудирао ніє, а у Црной Гори нема Академія, ни Универсітета.

Упокоєный владыка быо є скрожђу Црногорацъ; онъ се за узоръ Црногорца узети може. И премда є онъ на то ишао, да свою землю као европейску єдну државу устрои, да своє Црногорце европейскомъ изображеню ближе приведе: али є онъ при томъ као на очи у глави на то пазіо, да свойственость Црногорску у ньима сачува: онъ є на то ишао, да они остану, кои су, само да буду больи и већи. Па є ту радость и доживіо, да су Црногорцы подъ ньимъ учи-

цили, што пре никада нису. 10. Марта 1835 год. уђу 12 Црногораца ноћу у градъ Жабљакъ, и градъ освоє! Посаду градску сатѣраю у харемъ, те се мањи ніе смѣла; а онима, кои граду у помоћъ притицаху, ни приближити се нису дали. Ту ноћь дође 3000 Турака, да градъ натрагъ отму, али се и 300 Црногораца примакне, и тако су се 3 дана по вароши са Турцыма тукли, докъ ихъ четвртый данъ не надбію, варошь попале и поплячкаю, градъ запале а топове съ нѣга са собомъ одвуку. Градску посаду оправе съ миромъ у Подгорицу. И одъ оныхъ 12 кои су у градъ ушли и градъ отели, не погибе ни єданъ!

Намѣраваюћи чувство чисте войничке чести у срца своихъ Црногораца улити, установи 1847 медалію Милоша Обилића, коіомъ є юнаке своє, кадъ се кои особито юначки показао, украшавао. Милошъ Обилићъ узоръ є найузвышенієгъ, найчистієгъ, и найплеменитієгъ юначства: красна є дакле то мысао била, садашньимъ юнацыма образъ овога найузвышенієгъ юнака велике србске прошлости на прси и предъ очи ставити.

Лична храбрость и неустрашеность красила є покойника, као ма кога у Црной Гори. Кадъ є Ивановићъ на Подгорицу ударіо, мало га Турцы жива нису ухватили; и были бы га заиста ухватили, да ніе владика коня обоо, на своє момке повикао, и тако га самъ собомъ избавіо.

Кадъ су се Црногорцы 1844 на Лесендри са Турцыма били, стояо имъ є господаръ кодъ єдногъ

топа. Кадъ одъ нѣкудъ ето ти єдногъ момчета, и маши му се руцы, да га полюби у руку. Садъ пукне непріятельскій топъ. Зрно се было управо владычиной глави упутило. „Мичи господару, ето зрна!“ повичу около стоєћи. Онъ макне главомъ мало на страну, а у тай истый махъ пролети зрно покрай нѣговогъ слѣпогъ ока, и удари опо сирото момче, како му се было руцы машило, и на мѣсто га смлати. У овой крайньой опасности живота, остао є владыка са свимъ миранъ и спокоянъ, и не бяше чертице на лицу промѣніо.

Одъ зрна є утекао, али одъ Бога, „одъ старогъ крвника,“ нико никадъ не утече, па ни онъ! Яшећи єданпутъ захладисе, добыє болесть у прсима, и послѣ дужегъ болованя премине 19. Окт. ове године, у 9 саты у ютру. Онъ є умрео, као што се юнаку и великомъ пѣспику пристои. Єданъ сатъ предъ смрть устане, и заповѣди, како да му се креветъ намѣсти, пакъ онда очита нѣке молитве, и каже да ће тай часъ умрети. На ово сѣдне, и даде присуствующимъ послѣднѣ своє савѣте, налоге, и завѣте, наслони се на одаръ, и — усни. Великій духъ нѣговъ остави свѣтъ овай, кои є онъ самъ овако прекрасно описао:

„Унь ратує душа са тиєломъ,
Унь ратує море съ бреговима,
Унь ратує зима и топлина,
Унь ратую вѣтри съ вѣтровима,
Унь ратує живина съ живиномъ,

Унь ратує народъ са народомъ,
Унь ратує човѣкъ са човѣкомъ,
Унь ратую дневи са ноћима,
Унь ратую дуси съ небесима,
. . . . . .
Волна волну ужасно попире,
О бријегъ се ломе обадвије, —
Нико срећанъ а нико доволянъ,
Нико миранъ а нико спокоянъ!“

Животъ је нѣговъ и био пунъ борбе и муке. „Шта је морао,“ вели јданъ нѣмачкій списатель, „овай узвышеный духъ на своме мѣсту трпити, какве ли је борбе преко главе преметнуо! Кадъ се добро промыслимо, наћи ћемо, да је нѣгово мѣсто тако мучно было, да му није друга наћи.“ Али:

„Чашу меда іоштъ нико не попи,
Што је чашомъ жучи незагрчи!
Чаша жучи иште чашу меда —
Смијешане најлакше се пију.“ —
Безъ муке се пѣсна не изпоя!
Безъ муке се сабља не сакова!“ —
„Ко вѣчито хоће да живује,
Мученикъ је овога свијета.“

И башъ:

„Ударъ нађе искру у камену,
Безъ нѣга бы у камъ очаяла.“

Онъ се мучіо истина је; али је задатакъ свой свршіо, и мы нѣму можемо рећи, што Игуманъ Стефанъ юнацыма:

„Тежакъ вѣнацъ — алъ є воће сладко. —
Воскресеня не быва безъ смрти“ —
„Виле ће се грабит' у вѣкове,
Да ти вѣнце достойне саплету!
Твой ће примѣръ учити пѣвача,
Како треба съ безсмртношћу зборитъ!“

За наслѣдника свога оставіо є у тестаменти Данійла, унука Стефана, найстарієгъ брата Св. Петра одъ сына Станка, уважаваюћи како заслуге отца, тако и дарове сына. Овога є предъ смрть свою, у Августу, кадъ му се здравлѣ мало већма утврђено чинило, изъ Црне Горе у Петроградъ послао био, да се тамо за высоко свое опредѣленѣ што болѣ преправи. Но младый овай, духа пуный наслѣдникъ великога стрыца, кои изванредногъ мужа обѣћава, ніє се іошћъ био изъ Беча кренуо, кадъ му гласъ стигне, да му є люблѣный стрыцъ и господаръ умрео, кои га гласъ у найвећу тугу погрузи, єръ му є упокоєный стрыцъ другій отацъ био!

Дрнійло, Светый Петаръ, и Петаръ Пѣсникъ быће три найсяйніе звѣзде на небу Црногорскомъ. Данійло є Црну Гору обновіо, Св. Петаръ одржао, а Петаръ Пѣсникъ државомъ учиніо!

И овай великій, дивный мужъ, у 38-смой години свога живота, у найбольой снаги духа мораде у землю лећи! Но нека се одмара оболѣло тѣло у матери своіой земльи: духъ нѣговъ живи у болѣмъ свѣту;

„Гди у ведрини безъ облака
Ся врхъ сунца и небеса
Єдна свѣтлось у три зрака;
Подъ Престолѣмъ гдѣ вышњиме
Стои удесъ, срећа и вриме;
Гди у люблѣномъ своме Богу
Душа славомъ опоєна
Добро изврсно, радось многу
Сасма ужива свеђъ блажена,
Покой вѣчный, лѣпосъ праву,
Миръ, доброту, знанѣ и славу;“

а споменъ ће нѣговъ живити, докъ є србства и српске повѣстнице! Онъ є за свой народъ дѣлао, нѣгове пѣсничке производе уживаће и наши унуцы и праунуцы: а мы му садъ изъ дубљине срца рецымо: Лака ти земљица, великій владыко, вѣчна ти память.

III.

ОСВЪТЛЕНІЕ

ИСКАНЯ НАРОДА СЕРБСКОГ' У АУСТРІИ

У ОВО ВРЕМЕ.

Народъ Сербскій у Цесаро-Кралѣвским' Держа-вама изабрао є себи на Скупштини своіой 1. Маіа Патріарха и Войводу, продужава держанѣ Скупштине своє дондѣ, докле се дѣла нѣгова у подобателный поредакъ не доведу. Тако онъ є предузео пространнїи кругъ дѣятелности своє, него што му є Мађарскій Міністеріумъ опредѣліо, єръ є овай ограничіо кругъ нѣгове дѣятелности на церковне и школске ствари, и на само єдну стотину Депутираца, отъ кои' бы было полакъ Сербаля, а полакъ Влаха', и то подъ контро-ломъ своґъ,— Мађарскоґъ — Коммїссара.

Міністеріумъ є у овомъ поступіо сасвимъ сход-но свомъ вещественномъ началу інтолеранціє, нарав-но противно началама свободе, єднакости, братства, коя послѣдня усты исповѣда и извершує само спра-ма Мађара, а перво у потаи пита, али га спрама Немађара настоятелно употреблява. Има и право. Єръ є нѣму стало за тимъ, да постане отъ Краля

независимь, и народу — Мађарскомъ — подотговоранъ, а друге народности предъ очима нѣговыма и нейма.

Него и Народъ Сербскій има право, што овай подотговорный Міністеріумъ обилази; и нѣгове милости не пріима, већъ спрема сяйну и верстну Депутацію ко пресвѣтлому Цару и Кралю своmъ у Бечъ, носећи са собомъ уговоре своє, коє є съ блаженног' спомена Предцыма Нѣговыма учиніо, да ій заєдно на мѣсту прочитаю и протолмаче, и на овыма право своє станѣ оснує, препятствованъ досада у овомъ хилядама препона, коє є славный духъ времена съ пута уклоніо. Народъ Сербскій поступа у овомъ своє собственне цѣне и своmъ доброmъ Цара и Краля достойно, као што и приличи єдномъ честномъ, єдномъ витежкомъ, єдномъ заслуженномъ Народу.

Онъ хоће да умоли премилостивогъ Цара и Краля свога, да Онъ не буде само Господаръ и Отацъ Мађарима, єрбо нису сами Мађари нѣгови сынови, већъ су исто тако и Сербльи рођени сынови нѣгови. Прадѣдъ Нѣговъ блаженногъ спомена Імператоръ Леополдъ I. служіо се у ратовима своима противу Турака не само Сербльима, кои су се отъ старина у нѣговой земльи налазили, и отъ стары Кралѣва Мађарскы *) преимущества подобывали, цего на-

*) Кромѣ Історіе, коя є отъ сунца яснія, и сами закони отечественни подаю изредно свидѣтелство, да ніе было вѣка, у комъ Сербльи и Бошняцы, коє неправилно Расціанима зову, пространне провінціе Угарске и союжеины частій'

рочно позвао є Сербље подъ Турцыма живеће изъ предѣла Пећског' у помоћь противу Турака, кои су са своимъ Патріархомъ и своимъ Войводомъ заиста у помоћь и дошли, и чудеса храбрости и жертвованія показали. И ово су нова населенія Сербаля у предѣлы Угарске и союжены частій, нити су они дошли као робови, нити као народъ, но као браћа браћи на изричный позывъ Великогъ Імператора у великой нужди Нѣговой, као што и вели у Прівілегіи отъ 4. Марта 1695: „И вѣрныма реченногъ Народа Расцій-скогъ услугама, противу общегъ Хрістіанства непрія-

---

градомеђе, варошице и градове обытавали нису. Заръ ніе подъ Матѳіомъ Корвиномъ (1481) явнымъ закономъ забрањено, да се Расціани никаквымъ начиномъ на плаћанѣ десетка не принуђаваю? Заръ ніє подъ Владиславомъ II. (1495) у общой скупштини Кралѣвства узаконѣно, да Расціани, у землама Хрістіанскимъ обытавајући, нису дужни никакве десетке Римокаѳоліческомъ клиру плаћати? Заръ нису закони год. 1609. донешени, да не бы Народъ Расційскій са своимъ Капетанима неправде Коморанцыма чиніо; 1613. год. да Расціани у острову Рабакезъ живећи угражданствованію Кралѣвскомъ подлеже? Год. 1655. да трговцы Расційнски и Босански у средину оны Градомеђа, градова и села, у коима обытаваю, данакъ плаћаю? И кадъ свега овога не бы было, заръ не доказую довольно стародревна названія мѣста Рацкеве, РацКаньижа, РацАлмашъ, РацКерестуръ, РацБечей, РацМилитить и т. д. да су стари њини обытатељи Расціани были? Као што намъ о истини овогъ наведенія и сами наши Свети Монастыри сведоче, кои отъ толико стотина година у овымъ земляма постоѳ.

теля благородно указаныма.“ Пытамъ опога, кой кругъ дѣятелности Народа Сербскогъ на Церкву и Школу подъ коптроломъ ограничава, шта то значи, общій непріятель? Кому є общій? ако є самомъ Мађару, онда ніє общій, као ни онда, ако є самомъ Сербину непріятель. Рѣчь „општій“ показує вишше него єданъ, и у овомь случаю два, т. є. Хрістіанство, коє ніє подъ Турцыма, и Хрістіанство, коє є подъ Турцыма. Опо позыва, ово пакъ долази у помоћь противу єдногъ и другогъ, дакле общегъ, непріятеля. Оно є перво Імператоръ и нѣгови народи, ово пакъ друго Војвода Сербскій и Сербльи, кои подвергаваюћи се у ово име, да се туку съ Турчиномъ, власти Імператора, постаю съ Мађарима союзницы и браћа, наравно, не да гледс, да се само моле Богу, и да уче мало читати и писати, него да се за себе уређую, како они знаду, како годь и браћа и союзницы Мађари, и, што є найскупоцѣнніє, да за своє обще отечество общу крвь проливаю. Пакъ и чіє є башъ вишше крви у овомъ истекло, Мађарске, ил' Сербске, мыслимъ, да та Господа неће ни чекати, да имъ се отъ наше стране каже.

Бл. спомена Імператоръ и Краль Леоподъ I. у прівілегіи своіой d. d. 20. Аvгуста 1697. Народу Сербскомъ дарованной овако каже: „Употребићемо такође по свему могућству свако стараніє, да бы чрезъ побѣдоносна оружія наша, Богу спомагаюћу, воззваный Народъ Рассійскій што скоріє у предѣле, сирѣчъ обыталища пре тога притяжавана паново уве-

сти, и непріятелѣ одандѣ оттерати могли. Хоћемо такође, да подъ управленіемъ и расположеніемъ собственогъ Магістрата истый Народъ Рассійскій остати, и старе прівілегіе, нѣму отъ Нашегъ Величества благоутробно дароване, и свое обычае ненарушимо уживати може.“

Срећа оружія ніе могла извершити желю Цареву, да вѣрне Серблѣ кућама своима поврати: али рѣчи Цареве остаю свете „да Сербльи имаю уживати подъ управленіемъ и расположеніемъ собственогъ Магістрата стара своя преимущества и свое обычае,“ као што и пише премилостивый Монархъ Леополдъ I. у прівілегіи Народу дарованной подъ 4. Марта 1695. год. како су се Сербльи изразили „да су готови, не само Нашему, као законногъ Краля праву, милости и благости Царской себе и потомство свое подчинити, него и оставлѣнпымъ сущимъ у Турской области домовинама, и отбацывши имѣніе и могућства своя, избѣгши изъ свои светковина, у границе нашег кралѣвства Угарске преселѣни, за далѣ осветити и прогнати гнуснѣйшегъ непріятеля свирѣпство, подъ нашегъ вѣчногъ покровителства сѣнкомъ живити и умрети.“

Магістратъ овай мора имати свое средоточіе, и то е Войвода Сербскій, о комъ Імператоръ Леополдъ у позывателномъ писму своемъ къ Народу Сербскомъ пише: „Обећавамо Вамъ свимъ предреченнымъ народима и провінціама, Нама као Угарске Кралю по праву подложнымъ, и законно подложити се имаю-

ћимъ, одержати въ первыхъ благочестія своегъ, и у избранію Войводе свободу, прівілегіе и права и т. д.“ Какова су права Сербльи и уживали, имавши Войводу своегъ у Царскомъ Діпломомъ потврђенномъ Деспоту Георгію II. Бранковићу, и у препятствованію овогъ у такође потверђенномъ Вице-Войводи Іоанну Монастерлій, кой, како є у битки на Слапкамену чудеса храбрости и среће чинити почео, тако є и до конца живота чиніо.

Войвода мора имати, кога предводити, и кога управляти и располагати, и овай мора быти Народъ Сербскій. Народъ мора имати свой просторъ сѣдалища, и овай є сада у дѣйствію Сремъ, Банатъ съ Діштріктомъ Преко-Тисскимъ, Бачка съ Діштріктомъ Потисскимъ и Шайкашкимъ Батайлльономъ, и Градомеђа Бараньска, да се не бы у сѣдалища и просторе Мађарске и Троєдине Кралѣвине дирало.

Да се Господи данашньой Мађарской не бы учинило странно, што се просторъ овай за Войводу Сербскогъ опредѣлява, полезно ће быти, овдѣ о овомъ предмету проговорити. Познано є, да су Турцы већомъ частію Мађарске обладали были, да су на Бечу были, да су самъ Будимъ 130 година держали: слѣдователно Сремъ, Банатъ, Бачка, Бараня, были су подъ Турцыма. Докле су Мађари при свакомъ Турскомъ нападенію све далѣ у внутренность преселявали се, Сербльи су се у праздне землѣ населявали, и предградіє противу Турчина сочинявали.

Да бы Хорватска сигурна и спокойна была, ко ю є браніо, него Сербльи и Хорвати, поставлѣни по страшнымъ онымъ Алпима, кои се отъ моря Ядранскогъ до предѣла Карлштадски простиру? Ко є на Унни, на Сави, на Иллови за спасеніе грађана, и у самымъ зиданнымъ градовима и селима у Угарской и иза ове стрепећи, стражаріо, него Сербльи и Хорвати? Ко є онда, кадъ є Турчинъ Банатъ Тамишкій држао, пусте просторе градомеђа, Бачке, Чанадске и Арадске на Тисси и Моришу населіо, и себе непріятельима, овострану Угарску пустошити жеднившимъ, противоставіо, него Сербльи? Кадъ є пакъ Турчинъ Будимъ, Острогонъ, Столный Бѣоградъ, Печуй, Уйваръ и т. д. заузео, кога су Мађари у пограничнымъ странама непріятелю противоположили, развѣ Сербе? Не показуе ли історіа, какове є заслуге себи учиніо славный Србинъ Павелъ Бакичь са своима Сербльима при освобожденію Беча? Не показуе ли она, да су юнацы, коима се Мађари до небеса славе, Зриньій Сигетскій (Субичь) и Кинижій Палъ Темишварскій, (Кнезъ Павелъ Бранковичь) и други многи, Сербльи были, као и Змай огнѣпный Вукъ Бранковичь; страшило Турака, кои є у Сланкамену сѣдіо, и у когъ мѣста цркви и данасъ клинъ стои, о комъ є калпакъ вѣшао.

Нуждно є дакле было, Банатъ, Бачку, Бараню, Сремъ и т. д. отъ Турака отети, и кадъ є ово све отето, найвишше храбростію Сербаля, кои су ту и отпре, и особито сада населили се, шта се може

кому учинити странно, што Сербльи захтѣваю, да тіи простори подъ управленіе Войводе Сербскогъ подпадну? Імператоръ ни до данась ніе подчиніо граничне просторе управленію Мађарскомъ, но держи ій подъ собственнымъ своимъ непосредственнымъ правленіемъ и у Банату, и у Срему, и у Бачкой, и у Славоніи и у Хорватской, и у послѣдньой много посредствомъ Бана Хорватскогъ, Банатъ Тамишкій держао є равно по праву новоприобрѣтенія подъ правама Аустрійскима до године 1788.

Кадъ дакле Сербльи ишту за Войводу свогъ Territorium Сремъ, Банатъ, Бачку и Бараню, не ишту они ништа отъ Мађара, єръ они имъ ово не могу ни дати, почемъ ово не имаю, єръ є ово Турско, већъ ишту отъ Отца Отечества, Імператора свога, подъ кога су хоругвомъ ове землѣ отъ Турака срећно отели, да имаю у њима, као у своимъ сѣдалищама, подъ Войводомъ своимъ своє усредоточеніе, своє Магістрате и своє правленіе у чистой, непоколебимой, вѣчной вѣрности своіой къ пресвѣтлому Дому Аустрійскому, онако, као што то право уживаю Мађари, Хорвати, Ердельцы, и прочи срећни народи пространне Монархіе Аустрійске, съ чистымъ челомъ могући похвалити се, да су у времена возмущенія Текелійна, Ракоційна и Берчиньіева они єдиственни были, кои су люляюћусе круну Угарску на глави добры Імператора одержали, и противу онако крупногъ, и онако безвкусногъ возмущенія, у комъ су вѣрни тіи Мађари кромѣ Француза и самогъ Турчина

противу Краля своґъ у помоћь призывали — валяда увѣрени, да ће Французи и Турцы на ползу, а не штету Угарске круне бунтовницыма помоћи — крвь свою за круну Угарску проливали. — И ово обстоятелство при разбыстреннымъ садашньимъ временама треба да застыди ту Мађарску Господу, коя Србльима на скупштини само о Цркви и Школама — и то подъ Контроломъ Мађарскогъ Комміссара — совѣтовати се допуштаю, и у Цркве ньове Мађарскій єзыкъ утурую, отъ тако ясне честности, и еличне вѣрности Сербаля; — благогъ пакъ Імператора треба оно да побуди, да баръ сада по милости своіой смыслъ Сербски Прівілегіа отъ мертвогъ слова у дѣйство приведе и Србље утѣши, потверђеніємъ Патріарха, Войводе, простора Войводства и Магістрата Сербски, ово што Србльи нити су кадъ нарушили вѣрность свою, нити ће нарушити, ово пакъ што су Србльи не само обвезателства своя испунили и испуняваю. т. є. што су на Турчина воєвали, него су подъ заставама Царскимъ по цѣлой Европи, Француской, Італіи, Германіи и даже по Руссіи крвь проливали и кости оставляли, као што то и данасъ чине и чиниће. Иначе бы дречећа неправда и у напредакъ спрама ньи продужавала се.

Ово пакъ чинећи ништа ново не бы чинили Імператори. Кнезъ Лазаръ быо є Кнезъ и Госпадаръ Сремскій. Імператоръ Леополдъ I. у Діпломк на име Деспота Сербскогъ Георгіа II. Бранковича исчисляваюћи славне; предке нѣгове као Кралѣве Босанске,

Сербске, Болгарске, Далматске, Хорватске, каже „да су нѣки отъ предкова нѣговы благознамениты дѣла свои ради тітломъ Князева Священие Римске Імперіе одарени бывали, међу другима цѣломудрен-ный и мужественнѣйшій Волкъ Бранковичь отъ Подгорице, древній Дѣдичъ Херцеговины, Срема и Яно-поліи (въ нейже Влашка и Бачка заключается) вѣчный былъ Государь. — Кромѣ тога Стефанъ Щиляновичь био є Деспотъ Сремскій, а потомъ Бараньскій, гдѣ є кодъ Шиклоша на брегу погребенъ, на комъ гробишту, премда є свето тѣло ископано, и у Монастыръ Шишатовацъ пренешено, и данъ данашный на праздникъ спомена нѣговогъ народъ православный у великомъ множеству скуплясе, бдѣнія держи, и свеће пали подъ ведрымъ небомъ. Какво є овогъ Народа благочестіе! Диштрикти Потискій и Бачкій и Банатскій притяжаваю свакояко Прівілегіе Царске, дане Народу Сербскому оба Диштрікта за особенне заслуге нѣгове, слѣдователно су већъ подъ правомъ Магістрата Сербски. Ништа дакле не тражи Народъ Сербскій отъ союзника свои Мађара, но ише отъ своегъ Господара Императора, и ништа ново не ише, или таково, на што не има Прівілегіе, у крѣпкомъ намѣренію, остати у вѣрности ко своєму Императору и Кралю, и у любови съ Мађарима, али ни за чію любавь, и ни за какву цѣну не пуштаюћи ни єдно іоште отъ свои права, у коима му се вѣра, народность и цѣло существованіе, као народа состои, не хотећи нипошто мађарити се.

Ако ли бы Господа Мађарска судила, да ово право не треба дати Сербљима, изъ узрока, што се ова земля зове земля Угарска, пытамъ ій, зашто они допуштаю данашньемъ Правителству Княжества Сербіє, да оно као Сербскій Магістратъ управля Народомъ Княжества своегъ кадъ се Краль Угарскій пише и Краль Сербіє, као што є новый незавысимый, пододговорный Мађарскій Міністеріумъ новый печатъ за себе изрѣзао, на комъ стои „Краль Сербіє, Раме и т. д.“ Сербльи су собственномъ храбростію ово Княжество отъ Турака отели, као што су Сербльи и Сремъ, и Банатъ и Бачку и Бараню отъ Турака отели. — Или дакле нека уступе ове землѣ Сербльима подъ правленіє подъ круномъ Угарскомъ, или нека наметну своє господарство и єзыкъ данашнѣмъ Княжеству Сербіє. Ово Княжество содержи у себи нѣку часть Кралѣвства Сербскогъ, когъ већа часть стои подъ Турцыма, као што подъ Турцыма стои Рама-Босна-Міністеріумъ, како се види, да буде себи слѣдственъ чекаће да реченна втора часть, Кралѣвство Сербіє и Рама собственномъ верстносћомъ оттераю Турке, и онда да, Мађарско Міністерство по тітулаціама своима на печату разашлье Мађарске своє заповѣсти овимъ свимъ земляма на извершеніє, и то на єзыку Мађарскомъ, кой є свакій поддапникъ нѣговъ дужанъ знати, ако ће да буде єрећанъ. — Они держе и нѣку тітулу Краля Іерусалимскогъ. Мыслимъ, да съ истымъ правомъ могли бы послати и Паши тамошнѣмъ своє Мађарске заповѣсти; или, бу-

дући да се види, да съ Турцыма нерадо се туку, чекаће, да когодъ Іерусалимъ отме, пакъ ће онда они тамо господарити. Кадъ бы то тако срећно было съ тимъ тітулаціама, то бы гдѣкоя крунисана глава, зато, што є кадгодь носила круну Неаполитанску, Нидерландску, Шпанску и т. д. и данъ данашный право своє на исте потверђавала: но то види се, да бы было безвкусно.

Ово исто мнѣніє постои у призрѣнію інкорпораціє нѣке части Сербаля год. 1791. учинѣне, будући є законъ тай донешенъ о нама безъ насъ, и ако они хоће да законъ тай има свою силу, нека саслушаю о томъ мнѣнія Сербаля, єръ тако доноси са собомъ правда, по коіой ніє поступила стара політика, на кою се самъ Мађарскій Міністеріумъ толико тужи, све поправляюћи, што є нѣму на путу было, а све задержаваюћи, што є Сербљима на путу, трубећи свободу єднакость, братство, а кругъ дѣятелности Сербскогъ Сабора на саму церкву и школу, и то подъ Контроломъ, ограничаваюћи. Но и изъ овогъ закона 1791. изузимасе цѣла граница, коя ніє інкорпорірана.

Предпославшъ ово налазимъ за дужность, освѣтлити предметъ овай отъ вида противногъ а именно, изслѣдити, колику є штету Народъ Сербскій претерпіо, што се у оно време съ Турцыма завађао, и што га є у єданпутъ 37,000 фамілія изъ отечества изышло кромѣ други, кои су у друго време, раніє и доцніє излазили. 1. Излазкомъ овымъ здраво су они обезсилили народъ у земльи оставшій, єръ у случаю

отсудномъ много могу издѣйствовати толике хиляде фамілія, и ово є штета у призрѣнію воєнномъ. — 2. Изышао є самъ цвѣтъ благородства народногъ, и ово му є штета у призрѣнію державоправленія и народопредставничества. — 3. Лишіосе тамошньій народъ своій Архіереа, найспособніи и найискреніи своій учителя, на кои мѣсто наскоро су тамо поставлѣни Архіереи Грецы, отъ кои є народъ толико патіо и пати, колико и отъ самы Турака, коє є обще познано. Кромѣ тога Патріарси Цариградски наскоро су укинули преємницыма тітулу Патріарха. — Шта да рекнемъ о штети, кою є народъ претерпіо у томъ, што му є мірско свящество изъ землѣ изыш.ло? ко му є остао способанъ за Протопресвутере, Свящеике, Діаконе? ко му є остао за Монастырска общежитія? и ово є штета нѣгова у призрѣнію вѣроазаконномъ и воспитателномъ. — 4. Навукао є Народъ на себе найжесћу осветy турскy, и ово є штета у призрѣнію самогъ существованія и гражданскогъ споразумѣнія и повѣренія. Наводе пакъ да є само ономъ приликомъ, кадъ є Арсеній IV. Патріархъ, Шакабентъ изъ землѣ у Аустрію прешао 80,000 душа тамо отъ Турака побієно.—5. Лишіо се Народъ Деспота своегъ, Георгіа II. Бранковића, мужа здрава, крѣпка, учена, чувена, прославлѣна, уживавша повѣреніє Правителства Турскогъ, и Владѣтеля и Народа Влашкогъ и Ердельскогъ. Іа не знамъ, шта є онъ Двору Аустрійскомъ скривіо, али Народу Србскомъ ніє скривіо. И за оны 22 г. што є у затвору Аустрійскомъ трунути морао,

да се ніе кретао ни онъ, ни народъ на позывъ Государа Императора, Богъ зна, какве бы ползе онъ могао принети Народу Сербскому, было на путу воєнномъ, было на путу Дипломаціе, у чемъ обоємъ было є искуснѣйшій и достойнѣйшій. И ово є штета у призрѣнію усредоточія народногъ. 6. Лишіо се Народъ славне своє фамиліе Рашковића у двапутъ, кои су му свагда отъ найвеће защите были, носивше титуле Князева Старовлашки, и имавше повѣреніе Турско. Као што є Босанскій Народъ много штетовао, кадъ су га славне фамиліе Драшковића и Сестрића, съ многочисленымъ народомъ оставиле, и у Хорватску преселилесе, коє су и данасъ у Хорватской знатне, и кои послѣдньи узели су презиме Фестетића. — Докле су дакле Сербльи у ови обтоятелствы Вієнни у помоћь трчали, и по отечеству буну заподѣвали, отвлачили су они Турке отъ Вієнне и Угарске, али су ій на себе и своє домовине навлачили, губећи и самый видъ и названіе, ако и подъ сѣнкомъ Князева Старовлашки, Рассійски, Херцеговачки. И ово є опетъ штета Державоправителна, — 7. Лишили су се своегъ имнѣнія и домовине, и ово є штета економическа и народосталности, кою су іоштъ већма осѣтили, кадъ имъ є противно обећаню Імператорову, да ће плѣнъ и движимый и недвижимый, кои отъ Турака задобыю, ньіовъ быти, истый отъ полководаца Нѣмаца и Мађара отузиманъ быо, тако да су се противу тога тужити морали, неимаюћи отъ чега ни живити, а камо ли воєвати, єръ никакве плате добывали нису ни за

уживлѣнѣ, ни на оружіе, ни на воєванѣ, кромѣ реченогъ плѣна. 8. Што су потомъ толике силне войске, ово біюћи Турке и бунтовне Мађаре, ово пакъ воююћи подъ заставама Аустрійскимъ по Француской, Італіи, Прайсской, Руссіи, и т. д. погубили, то бы имъ подъ Турчиномъ на миру остало. И ово є штета у народоумноженію. 9. Да су у своимъ отечеству остали, и вѣра ныова не бы толико претерпила. Єръ Турцы су свагда Православну вѣру Сербску противу Римске и Уніе покровителствовали. Овамо су пакъ отъ Іезуита, врло много претерпили, и силу народа изгубити морали. И ово є опетъ штета вѣрозаконна.

Чимъ дакле ове и овымъ подобне штете да се накнаде, и да се награде заслуге Народа Србскогъ, кои є више чиніо, него на што є уговоре учиніо. Єрбо воєвао є и воює и противу оны непріятеля дома Австрійскогъ, кои нису Турцы? Народъ ће све жертве своє заборавити; заборавиће ране своє, коє су му задане тако дуготраявшимъ неиспунѣніемъ нѣговы уговора, и остаће у вѣрности своюй непоколебимь, само ако му се праведна траженя нѣгова, изложена у Царскимъ прівілегіяма, и коя ће онъ посредствомъ єдне сяйне Депутаціе Царскому Престолу подстерти, што скоріе испуне.

Између прочега потребни су Народу знацы отличителни, а то су 1, застава — барякъ —, 2, Гербъ. — Заставу сочињаваю три боє, хоризонтално леже, одозго црвена, у среди плава, доле бѣла. На

плавой, као на бои отличителной — характеристической — поставлясе Народный Гербъ. Овай сочинява бѣо крстъ на округломъ црвенномъ полю између кога кракова стои по єдно оцыло — свега четыри — челикасте боє, опасанъ съ десне стране жировномъ, съ лѣве масличномъ гранчицомъ, коє су доле везане плавомъ пантльикомъ. Цѣо пакъ щитъ тай, — полѣ — лежи на войводской порфvри, висећой исподъ войводске — затворене, на двѣ части раздѣлѣне круне, по Хералдіки.

И ово є Гербъ еѳнографическій — народописный — какавъ Народъ Сербскій, макаръ онъ гдѣ быо, употреблявати има, отвучено отъ Гербова Географически — землѣописны — какове свака Провінціа особенно — видне има, као н. п. Сремъ што има Єлена, подъ ябланомъ отмараюћасе, и т. д.

Произволно промѣньиванѣ боя заставе показує неоснователность у овако важномъ предмету народномъ.

Поєдине фамілиє имаю собственне Гербове своє — arma, Wappen —; цѣо ли Народъ єданъ да се овога лишава?

Изъ засѣданія Общества Православны Сербаля Сремско-Карловачки, 6. Маіа 1848.

IV.

ОМИРОВИ

ГРЦЫ И ЦРНОГОРЦЫ.

Господинъ Колъ сравнява у своме дѣлу: Reise nach Istrien, Dalmatien und Montenegro у Дреждани 1851. издатомъ старе Омирове Грке и данашнѣ наше Црногорце, и находи млоге ствари и стране у коима Црногорцы тако на старе Хеллене наличе, као да су єдни и исти. Ова страна сматраня има занимателности за свакога, кои є пріятель омирове древности, а може се слободно запытати: ко то ніє, кои само за то зна? У колико пакъ мора имати више занимателности за насъ Срблѣ, за наше пѣсничство и науку! И зато ћемо мы овдѣ мысли г. Кола изложити, нека наши читательи виде, како є овай духа пуный нѣмачкій путникъ о томе умствовао, па онда они, кои су у станю мысли ове и на далѣ развыяти, нека то учине, и нека намъ мысли своє саобште. Мы бы особито нашимъ пѣсницыма препоручили, да овай чланакъ читаю и о нѣму размышляваю.

Г. Колъ описує найпре, како є на Цетинѣ дошао, и како га є владыка Петаръ любезно дочекао.

Пакъ онда говори: „Таки прве рѣчи, коє намъ є владыка проговоріо, быле су знамените и пуне науке, и погрузиле су ме у читаво море размышляваня.“ „Но!“ рекне ми онъ по русски, „дакле сте єданпутъ и у Црну Гору заишли. Надамъ се, да ћете много коєшта занимателно кодъ насъ наћи; и я мыслимъ, да ћете се овдѣ кодъ насъ често опоменути Омира и онога живота, кои онъ описує.“ — Я бы рекао, да су ове рѣчи Владыке на нѣкій начинъ цѣломъ моме мышлѣню, докъ смо у Црной Гори были, правацъ дале.

Обычаи Црногораца осниваю се понайвише на прастарымъ образцыма. То су обычаи, кои су овдѣ на славенско-грчкомъ полуострову по свой прилицы далеко іошъ пре Омира владали, и кои су се овдѣ међу овыма горскимъ и пастырскимъ народима или іошъ одъ Деукаліоновыхъ времена све єднако одржали, или са нѣшто мало промѣне увѣкъ наново постаяли. Я држимъ, да се свакой поєдиной черти, коя Црногорце означава, и кодъ омирскихъ юнака ма каква черта као узпоредна наћи дає.

Чувство слободе и скопчана съ ньимъ любавь къ борби означава исто тако Црногорце као и Ахиве. Какогодъ што су различна колѣна овыхъ послѣднихъ, тако су исто и они први неизброене боєве за свою слободу издржали. Крвна освета чини се да є кодъ старыхъ Хеллена исто тако владала, као што влада кодъ Црногораца; и кадъ су Ахилесу пріятеля убыли, то се ніє могао прѣже умирити, докъ ніє то-

ме „крваву жертву“ принео, — пакъ ако убієномъ Хектору и неодсѣца главу, али му цѣло тѣло у своме шатору држи, и треба труда и муке докъ га старомъ Пріяму изда. О повраћаню одсѣчене и однешене главе бываю између Црногораца и њиховыхъ сусѣда и данъ данасъ исто такови договори, као између Ахилеса и Пріяма. Па кадъ имъ главу одъ своє волѣ поврате, то често съ онаквомъ истомъ признателношћу примаю, као и Пріямъ што є приміо. Башъ у ово време послао є био владыка изъ учтивости и великодушности послѣдню донешену главу сродницыма убієногъ бега натрагъ.

Као што стари Омирови Мирмидонцы и Ахиви, юначки народи у пола дивлѣмъ станю, ни на шта друго толико не држе, колико на своє златомъ и драгимъ каменѣмъ накићено, и лѣпо урађено оружѣ, кое све како є опѣвати и описывати Омиру се никадъ не досади, тако то исто чине и Мирмидонцы и Данаи и нашихъ дана. Они носе богато сребромъ и мѣдомъ украшене оклопе (токе), и шараю бисерномъ школькомъ и драгимъ каменѣмъ, ако не штитове, а оно кундаке одъ своихъ леденица (пиштоля) и дугихъ пушака, па су непрестано исто тако као и Омирови юнацы, подъ оружѣмъ. Као ови, тако држе и они за найлѣпшу судбу човека, на бойномъ полю погинути, и мрзе на смрть у кревету. Светыня гостинства, побратимства, и заклетва вѣрности два пріятеля на смрть и животъ, положенѣ жена, све є ово кодъ Црногораца, и у обште кодъ свію србскихъ

Славена, и кодъ найстаріихъ обытателя Грчке скоро єднако. Я велимъ кодъ найстаріихъ обытателя, кодъ Омировыхъ Грка. Єръ кодъ доцніихъ изображеныхъ атинскихъ и бизантійскихъ Грка много се коєшта другачіе показуе, и може се рећи, да су се узъ Турке, кадъ су ови изображенѣ Грка разорили, свуда прастари обычаи и станѣ митосскогъ времена опетъ повратили, исто онако, као што се слаба свѣтлость мѣсеца показуе, кадъ сунце зађе.

Много путы дае се сравниванѣ Црногораца и Омировыхъ Грка чакъ до найвећихъ сытница терати. Печено янѣ и яре пада овдѣ іоштъ онако исто сладко, као у време Одисія, а и готови се на истый онай начинъ; па кадъ видимо, како старешина у прочелю комаде меса за кости ухвати, и свуда у наоколо по господству и по старешинству раздае, даюћи ономе, кои є найодличніи онай комадъ, гди є „цвѣтаюће“ месо и дебльина башъ на хрбтенячи „найслађе,“ то се свакоме учинити мора, да є сасвимъ међу Хелленима. И у крою одеће кодъ овыхъ людій мора быти много више изъ времена пре- Хрістова, него што се доказати може. На барелѣфнымъ образима славнога Ефезскогъ саркафага у Амбрасской сбирки у Бечу, у коима є борба Амазанкій представлѣна, види се више краткихъ хальина коє као долама изгледаю, са широкимъ летећимъ рукавима, коє исто тако изгледаю као доламе хусарске. Ново одѣло, коє є владыка своимъ перяницыма дао, оснива се по свой прилицы на виду прастарогъ каквогъ одѣла. Ове перянике, коє

владыка изъ сынова и младыхъ главара найзнатніихъ племена узима, па покрай ньихъ оне тако позване Сенаторе, кои са владыкомъ политичку власть чине, и съ ньимъ подъ єднымъ кровомъ живе, нисамь я никада могао погледати, а да не помыслимъ при томъ на Одисія и нѣгове другове, на Ахилеса и Мирмидонце, на Менелая и нѣгово дружство, кои су заєдно нѣгови другови и подданицы. Стари Омирови владатељи управляю са своимъ народима прилично како имъ є воля, пакъ и опетъ показую се кадкадъ съ ньима сасвимъ као другови, и као да су равни и браћа међу собомъ. Исто то видили смо и овдѣ кодъ владыке. Овай є президирао као владѣтель народа на особитомъ мѣсту на дивану, предъ коимъ є ћилимъ простртъ био, а наспрамъ нѣга на єдной дугачкой клупи сѣдили су сенатори и перяницы, млади и стари люди измѣшани, єданъ до другогъ. Други опеть стаяли су кодъ прозора и врата у наоколо; сви изнайпре мукомъ мучећи и озбильски гледаюћи, докъ є представлянѣ и поздравлянѣ гостію траяло. Они су ту стояли одприлике као пріятельи, дворяни и домаћи краля Алкиноа, кадъ є къ овомъ Одиссіе дошао. Кадкадъ є владыка єдномъ или другомъ штогодъ проговоріо, и онда є свакій одмахъ и безъ икаква страха одговарао. Тако є было, кадъ су насъ примили, и кадъ смо у вече на вечеру дошли. Али кадъ дође, да се игра картій и биліяра, и тако далѣ онда свако устручаванѣ изчезне. Люди оставе своя мѣста, и ходаше тамо амо, и свакій є чиніо, што му є воля было.

Нѣки су ходили горе доле, у собу и изъ собе, као да су кодъ куће, други су играли биліяра са своимъ владыкомъ и са нѣкима одъ нашихъ супутника, при чему є кадкадъ врло живо ишло. Опетъ други, коима є то угодніе было, сѣдили су ћутећи на своіой клупи, и гледали су, шта оно други чине. Іоштъ други показывали су намъ рѣдкости и драгоцѣнности свога господара, и донесу што више нѣке нѣгове хальине, да намъ златне везове на ньима покажу. Све ово показывало є, да овдѣ тако подданицы наспрамъ свога владѣтеля стоє, као што то кодъ другова Омировыхъ юнака видимо.

А кадъ смо сутра данъ у ютру на манастырской терасси заєдно сѣдили, и кадъ одавдѣ владыка, ако и не са стрѣломъ и „на далеко сѣнку бацаюћимъ коплѣмъ,“ а оно са прахомъ и оловомъ изъ дуге пушке у нишанъ гађати стане, па кадъ онда на нѣгову заповѣсть єданъ пѣвацъ са гуслама доће, предъ насъ сѣдне и єдну юначку пѣсму запѣва, а други сви ћутећи у мысли изгублѣни преда се или у плаву дальину гледаше, — онда изброєни одъ хисторика вѣкови предъ нама скоро сасвимъ изчезну, времена се у єдно стопе, и мы смо тако исто мыслити могли, да смо суврeменницы Омировыхъ юнака, као да хиляду осамь сто петдесета година по хрістіянскомъ брою мимо насъ пролази.

И та околность, што є владѣтель и юначкій предводитель Црногораца хрістіянскій владыка, ніе ни мало сугласіе различныхъ времена нарушавала.

Та и Агамемнонъ ніє само быо краль, него и врховный свештеникъ свога народа, а Одиссіє приноси међу своимъ друговима, коє у бой води, увѣкъ самъ собомъ жертве и дарове боговима.

Уобште цѣло юначство кодъ Црногораца и старыхъ Грка има єднакъ ликъ. Кодъ оныхъ се славе юнацы исто тако као и кодъ овыхъ. Али юнацы ако хоће што да вреде, мораю тако исто вештъ єзыкъ имати, као руку; тако кодъ Грка, тако кодъ Црногораца. Сладкорѣчивость, коя наравно увѣкъ дубоку топлину чувства и высоколетећій духъ за основъ има, стои кодъ овыхъ другихъ у тако исто великой цѣни као и кодъ оныхъ првыхъ; и у србскимъ пѣсмама долазе исто такви говори као и у рапсодіяма іонскогъ пѣвача. Хитрину презиру црногорски юнацы исто тако мало, као и Ахивски, кои кодъ Омира сталный придатакъ „хитри, лукави“ имаю. И догађаи, као онай са троянскимъ конѣмъ повтораваю се у овымъ брдама данъ на данъ, ма да и ніє свагда управо шупаль дрвеный конь ту. Чете црногорске противъ Турака, у коима се садъ овай а садъ онай юнакъ одъ своє волѣ као войвода на чело ставля, приличи сасвимъ предузећама грчкихъ колѣна противъ њиныхъ сусѣда, и приповѣдке о грабежу говеда како и другихъ нелюдій нису митоси, што више само, да се тако изразимъ, типске приповѣсти о догађаима, кои се на грчко-славенскомъ, полуострову по хиляду путы повтораваю, и коє се све чине, као да су по єдномъ и истомъ образцу израђене.

Подобность быва іошть већа, кадъ се помысли, да Црногорцы управо и данасъ данъ у данъ опай истый бой бію, кои су Грцы били, борбу пелазгійскихъ колѣна противъ азійскогъ полуострова, борбу Хелена противъ великогъ краля на Истоку. То є управо продуженъ троянскій или персійскій ратъ.

Особито є пуно науке сравньиванѣ данашньихъ србскихъ пѣсама, свакидашнѣгъ живота опѣваныхъ у ньима юнака и омировыхъ епопеа. Ово сравньиванѣ довело бы управо знalца до тога, да Омира право разумѣ, и да животъ и дѣла садашньихъ Црногораца право судити може. — У Омировымъ пѣсмама долази све у тако красной свѣтлости, тако прославлѣно, тако племенито, тако златно. Исто тако являю се све ствари у србскимъ пѣснама, а свакидашный животъ Црногораца показуе, како су све ове ствари, чудеспо лѣпи юнацы, великодушни и племенити кралѣви, украшене палате, неосвойне тврдынѣ, цвѣтаюћа дебльина печеныхъ ярића и шкопаца, при прозаичкой свѣтлости дѣйствителности сматране изгледале. Кодъ Омира има за цѣло толико исто поетичкогъ и патетичкогъ претериваня, колико и у србскимъ пѣсмама. Али и обратно може насъ то сравньиванѣ, почемъ смо тимъ прозаичко мѣрило за грчке юнаке нашли, съ друге стране опетъ научити, да Црногорце у мало не цѣнимо и презрително съ ньима не поступамо. Кадъ є Омиръ кодъ людій, кои су ньима сасвимъ равни были, толико нашао, што є нѣгову Музу одушевлѣти могло, то ћемо и мы кодъ овыхъ

Црногораца много коєшта наћи што насъ удивлѣнѣмъ изпунити може.

Па и то є значайно, да кодъ Црногораца пѣвцы нису сиромаси люди, кои само за милостыню или хлѣбъ пѣваю, него су као трубадури среднѣгъ вѣка, често одъ рода и достоинства самихъ юнака. У котору пѣвао намъ є єданъ сродникъ владыкинъ изъ фамиліе Петровића. Ово є опетъ управо као кодъ Омира, гдѣ су Димодоцы изъ круга дворяна, сродницы и пріятельи кралѣва.

Кажу, да Црногорцы, а упоште Србльи, Босанцы, Морлаки у плачъ ударе, кадъ имъ пѣвацъ узъ гусле пѣва, исто тако као што се кодъ Омира слушательима често сгађа:

То пѣваше хвалѣный пѣвацъ. А слушательи
Топише се у туги; и образе имъ є квасила суза
са трепавица.

Я могу то разумѣти, тако исто као и озбильско лице, и тугу, у кою пѣвацъ кодъ Србаля упада. Єръ обычно пѣваю ньине пѣсме о жалостнымъ догађаима, о четама противъ Турака, о свирѣпымъ дѣлама овыхъ, о смрти србскихъ юнака и т. д. и тако може често гдикога не толико пѣсма, колико изкушена несрећа узбудити, као и Одиссія, кадъ му є Димодокъ о нѣговымъ собственымъ трудима и боєвима кодъ Троє пѣвао.

V.

РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ

ЧИНОВА И РЕДОВА,

у коіой ишту, да се иллиричка канцелларія укине.

Светѣйше Кралѣвско Апостолско Величество,

Господару, Господару Наймилостивіи!

Бригу нашу, кою є случивше се подъ прежашньимъ правительствомъ иллиричке канцелларіе устроєнѣ побудило, предложили смо у покорной репрезентаціи одъ 5. Мая 1791 подъ послѣдньомъ іоштъ дієтомъ израђеной, изложивше у ньой подпуно сва законна побуђеня. Бояли смо се сирѣчь, да се тимъ држава у држави не начини, и новъ законима сасвимъ непознатъ Дікастеріюмъ не породи, кои ће у овомъ кралѣвству дѣйствовати. Великогъ спомена Царско Величество, и нашъ Краль, да насъ праведногъ овогъ страха ослободи, благоволило є посредствомъ благоутробногъ Одписа кралѣвскогъ милостиво изявити, да се устроєнѣмъ реченогъ иллиричкогъ дікастерію-

ма законнымъ кралѣвства дікастеріяма и надлежателствама у погледу на сва грчко-несаѥдинѣныхъ дѣла грађанска ништа власти одузети неће, него да ће се она у дѣйствованю, коѥ имъ закони даю, и на далѣ неоскрнѣна сачувати. Овымъ ѥ рана наша истина у блажена была, али ніѥ сасвимъ залечена. Мы смо то таки осѣтили; али да се не види, као да ѥ рѣчма нашима іоштъ вешма узловредимо, уступили смо времену, и заключили смо, очекивати то одъ онога, што смо предвидили, да ће се иначе зацѣло догодити. Єръ нисмо могли друго ни мыслити, него да ће такавъ дікастеріюмъ, кои довольно посла нема, у туђе послове мѣшати се, да тако о своіой нуждности увѣри, и тако да ће поставлѣне своимъ дѣйствованю границе прекорачити тежити.

И заиста, да се стварь тако догодила, видили смо изъ доста жалостногъ изкусства. Єръ ако само на она, коя су у календаре Грчконесаѥдинѣныхъ ставлѣна, и коя су позорность и самогъ политичкогъ дікастеріюма на себе обратила, пакъ онда на разпрострта у време исте канцелларіѥ по више вармеђа раздражителна писма мало погледимо, то ћемо ясно свидѣтельство у овима наћи, да ће се безъ очевидногъ нарушеня унутрашнѣгъ мира, и уштрба законныхъ дікастерія тежня канцелларіѥ иллиричке тежко моћи трпити. Овамо принадлеже у новіѥ време уведене тако назване Landescommissionen, коѥ дѣла Грчконесаѥдинѣныхъ у покраинама одправляю. Єръ као што бы то Уставу земальскомъ противно было,

да свака Унгаріє часть особитый за себе има дікастеріюмъ, и у покраинама съ ньомъ не законна кралѣвства надлежателства, него произвольне комміссіе управляю: тако се и Грчкопесаѥдинѣни, кадъ су већь 27 членомъ найновіе дієте право грађанства задобыли, нити ново устроєной овой иллиричкой канцелларіи, нити комміссіяма подчинити могу, а да се законима и духу Устава земальскогъ уштрбъ не нанесе.

И ово є, наймилостивіи господару, што смо мыслили, да за обрану нашегъ земальскогъ Устава са онаковомъ истомъ искренношћу, са каковымъ и повѣренѣмъ предложити имамо. Благоволите све то милостиво примити, и по найвышой Вашой любови къ правди и правицы законну нашу желю помоћи; то ће новъ знакъ отеческе наклоности спрама угарскогъ народа быти, то ће быти найтешня свеза непрекидне вѣрности.

Ваше светѣйше Величество има найлѣпшій примѣръ одъ Ваше превысоке бабе съ отчине стране, а наше нѣгда наймилостивіе кральице, Маріе Терезіе, по комъ се можете управити; єръ ова є такођеръ иллиричку канцелларію устроила была, а кадъ є видила, да ова ніе ни на какву корысть, и да є сасвимъ излишна, онда є исту таки сама одъ себе укинула.

Нека не задржава Ваше Величество она брига, као да ће ова промѣна грчко несаєдинѣныма обытательима неповольна быти; єръ за ньихове ствари много ће болѣ быти, ако ньихова канцелларія, коя є у ратно ово време и самомъ кралѣвскомъ єрарію, пре-

вєћь теретна, укине, и нѣки одъ ньихъ, кои закономъ захтѣвана качества имаю, како кодъ канцелларіє угарско-дворске, тако и кодъ кралѣвскогъ мѣстозаступногъ савѣта милостиво намѣштени буду. А да и мы са наше стране натрагъ не заостанемо, у ономъ случаю, ако споменутый иллиричкій дікастеріюмъ укинутъ буде, мы ћемо Митрополіту и Епіскопима грчкопесаєдинѣногъ обреда, коє є Ваше светѣйше Величество благоутробнымъ Кралѣвскимъ писмама на дієту пашу позвати благоволило, дати гласъ (votum), и уєдно ћемо дотычну регніколарну депутацію упутити, да гледи, да имъ се достойный гласъ и сѣдиште опредѣли. Єръ иначе морамо се съ правдомъ плашити, да се незгоде, коє се због тога, што канцелларія иллиричка постои, у явномъ управляню показую, и у самомъ законодателномъ тѣлу не появе.

У осталомъ Высочайшой милости и благоутробію препоручени са подданичкомъ покорношћу остаємо Вашегъ светѣйшегъ Величества найпонизніи капелани и слуге и непресѣчно вѣрни подданицы ЧЧ. и РР. кралѣвства Угаріє и страна скопчаныхъ у дієти скуплѣни.

VI.

ПРОШЕНІЄ

Г. Н. С. ОБРЕДА ЦРКВЕ АРХИ-ЕПІСКОПА И ЕПІСКОПА,

на дієту, да имъ се мѣсто и гласъ опредѣли.

(споля)

Покорнѣйше прошепіє г. н, с. обреда Цркве Архи-Епіскопа и Епіскопа на Яснѣйшегъ кралѣвскогъ Прінципа, Кралѣвине угарске Палатіна, и исте Кралѣвине высоке велможе и славне ЧЧ. и РР.

Яснѣйшій Кралѣвскій Прінципе, Кралѣвине Палатіне, Высоки Велможе, славни ЧЧ. и РР.

Нашимъ покорнѣйшимъ 21. Мая Нѣговомъ кралѣвскомъ Высочеству Кралѣвине Палатіну, Высокимъ Велможама и славнымъ ЧЧ. и РР. писмено данымъ изяснѣнѣмъ на то смо найвише ишли, да тимъ покажемо, како смо наймилостивіємъ нашемъ Кралю, одъ кога смо овамо позвани, дубоко поддани, и како мило наше отечество, и высоке нѣгове велможе и славне

ЧЧ. и РР. любимо и почитуємо, и то сотимъ, што пытанѣ о сѣдишту нама по званію, коє носимо, припадаюћемъ повести, и преправленѣ за крунисанѣ Нѣговогъ свет. величества ни за мінутъ времена задржавати нисмо хотѣли. И као што смо онда тврдо у милости и праводушности высокихъ велможа и СС. ЧЧ. и РР. увѣренѣ имали, да ће после срећногъ крунисаня по своме достоинству достойно и на насъ вниманѣ обратити, тако сада већь, кадъ срећна Угарія у найболѣмъ кралю своме Францу I. найблагоутробніегъ Покровителя и отца отечества весела почитує, кадъ се сви кралѣвине ове граћани у обштой радости веселе, и у знаменѣ садашньихъ срећныхъ дѣла уздаюћи се найвећой отечества срећи надаю се, мыслимо, да є дошло време, да намъ изкушено высокихъ велможа и СС. ЧЧ. и РР. благоволѣнѣ и праводушность по достоинству званія и старѣшинства Архи-Епіскопскогъ и Епіскопскогъ сѣдиште прибави.

Декретъ Св. Стефана краля, у комъ подъ Діецезалнымъ понтіфицыма разумѣва нарочито Прелате, и членъ I. послѣ крунисаня године 1608 єсть праведногъ овогъ нашегъ прошенія прьый и заиста темелянъ основъ, єръ качества законныхъ, сѣдиштемъ и гласомъ на дієти снабдѣвеныхъ прелата излаже, а мы мыслимо, да сва та имамо.

Нећемо се у претресыванѣ пытаня упуштати, єсу ли Епіскопи Цркве гр. н. с. обреда, за коє се наравнымъ путемъ заключавати дає, да ихъ є у оно време у Угаріи было, кадъ се у овой хрістіанскій

законъ увео, сѣдиште и гласъ у државномъ Сабору имали; нити ћемо икако улазити у разлику членова вѣре, и у различанъ можда у дѣлу вѣроисповѣданія начинъ мышлѣня, што између народа истымъ законима подчињѣныхъ, и єдна грађанска права уживаюћихъ, у призренію на права грађанска са самымъ вѣроисповѣданіемъ у никаквомъ саюзу не стои, и што є кралѣвскимъ на насъ управлѣнымъ писмама већь признато, и никакву разлику у себи садржавати не могу; но то є извѣстно, да смо мы прави Епіскопи, и истый характеръ имамо, кои и Епіскопи католички, и да подобнымъ собственымъ хіерархіє црковне устроєніємъ на єданъ и истый конацъ крозъ пространне діецезе и у многобройномъ народу Цркве Божіє управлямо, — а и то є извѣстно, да срећа грађана највише у томе лежи, да свакій по своме станю часть благодати изъ обштегъ установленія закона производичуће правичномъ мѣромъ добыя, а будући при томъ да є наше вѣроисповѣданіе одъ толико столѣћа примлѣно, и у кралѣвини можда, одъ како є ове, суштествує, а права су іой допешенымъ у послѣдньой дієти 27. членомъ закона потврђена; зато нема сумнѣ, да нама єднако са осталымъ р. католичкимъ Епіскопима сѣдиште припада, коє се само по старѣшинству опредѣлити има.

Єръ уредба предхваљѣногъ закона сасвимъ є недовольна, и у найважниіой бы своіой части недостаточна была, кадъ бы сви други, закона овога станови благодати изъ Устава кралѣвине долазеће па и само

право гласа у Сабору државномъ, стању своме сходно уживали, а самъ се клиръ оныхъ, кое му пѣговъ чинъ даѥ, права и чести преимућствомъ служіо небы. И ако траюћа грађанскогъ дружства срећа само у заѥдничкой свію грађана срећи стои, ко не види, да свакій онай противъ траюће отечества среће ради, кои бы мілліоне жителя овога вѣроисповѣданія, кои само крозъ нѣколико членова одъ своихъ добротворство Устава примати могу, крозъ то одъ употребльня добротворства изключити хтѣо, што онима, кои бы се добротворствомъ тимъ послужити могли, онако, као све друге сугрђане, свакога по своме стању не люби и не почитуѥ.

Далеко буди одъ насъ, да то о найплеменитіемъ характеру угарскогъ парода и помыслимо; што више, мы смо тврдо увѣрени, да ѥ цѣло славно кралѣвство захтѣваньћ наше іошть онда потврдило, кадъ ѥ прошасте дієте блаженопочившемъ Леополду писало, како хоће, да жителъи нашегъ вѣроисповѣданія исто тако добыю како права грађанска, тако и наша вѣроисповѣдателна, и благодѣянія државна, као што то Унгари по пропису закона сходно своме стању имаю, и како то тога ради изяснява, да се тимъ начиномъ предупреди, да не бы ко мысао и памѣру ньихову о нама на зло толковао, и да остане вѣковѣчно свидѣтельство. Ово несравньно свидѣтельство искрене любови найплеменитіегъ парода и сугрђана нашихъ спрама насъ почитуемо мы съ найвећомъ

благодарношћу. И споменъ тога неће никада изъ духова нашихъ изчезнути.

И позываюћи се на светыню неизгладне оне свакомъ здравомъ разуму утишћене истине, да кралѣвини овой ништа већма желити ніе, него да сви у ньой живећи, премда єзыкомъ различни Хрістіянскогъ вѣроисповѣданія народи єднака благодѣянія уживаю, єдне желѣ имаю, єдномъ ревношћу гору, почемъ су сви єдномъ кралю подчинѣни, єднымъ законима управляни, а свако сѣме неслоге да се уклони, па да се сви само надмећу, ко ће краљу и милом отечеству быти вѣрніи, ко ће быти ревностніи да єдномъ и другомъ већу корысть прибави, и да сви саюженымъ силама ове найпожелателніе цѣли подпомажу.

Нежелећи мы найпослѣ одъ сугражана нашихъ ништа друго, него любовь, и оно, кое браћа браћи даю, почитованѣ, надамо се одъ благоволѣня и правичности высокихъ велможа сс. ЧЧ. и РР. да ће, увидѣвше праведность нашега захтѣваня, исто по урођеной угарскомъ народу искрености и найплеменитіой на добротворство ревности безъ затезаня утврдити.

То ће быти нама и народу, коимъ у духовнымъ управлямо предметомъ вѣчне благодарности, а высокимъ велможама и сс. ЧЧ. и РР. вѣчне славе, а позднымъ пакъ доидућимъ ньиховыхъ унука потомцыма подражаня достойный добродѣтельи, и славный найплеменитіегъ ньиховыхъ предкова характера примѣръ.

Кои милости препоручени изумиремо Вашегъ кралѣвскогъ высочества высокихъ Велможа и славныхъ Чинова и Редова. У Будиму дана 12. Іунія 1792. найпокорніи слуге Стефанъ Стратимировићь с. р. АЕкпъ и Митрополітъ Карловачкій. — Петаръ Петровићъ с. р. Еппъ Темишварскій. — Іос. Іоанновићъ Шакабентъ с. р. Епкпъ Вршачкій. — Павле Авакумовићъ с. р. Еппъ Арадскій. — Іоаннъ Іоанновићъ с. р. Еппъ Бачкій. — Генадіє Димовићъ с. р. Еппъ г. Карловачкій. — Кириллъ Живковићъ с. р. Еппъ Пакрачкій. — Діонисіє Поповићъ с. р. Еппъ Будимскій.

VII.

АДРЕССА БАНУ.

СВЕТЛЫЙ БАНЕ!

Скуплѣни овде изъ сви краєва војводовине чланови народа Србскогъ, поздравлямо светлость Твою на овоме углю обѣтованогъ Отечества нашегъ, кои є єданъ іоштъ одъ огня и мача душманскогъ заштеђенъ остао. Добро намъ дошао Светлый Бане! на благодатной, но у крвцу огрезнутой земльи војводовине Србске!

Мы се тврдо уфамо, да ће оружіе Србско подъ родолюбивомъ заставомъ светлости Твоє прећашню славу свою, на кою є подъ туђинскомъ рукомъ сенка падати почела, наново задобити, и да ће се подъ предводителствомъ светлости Твоє барякъ Србско-Хрватскій скорымъ временомъ на границама војводовине наше и свуда, гди се непріятель нашъ и царевъ покаже побѣдоносно и весело выти.

Опрости светлый Бане! што у овомъ магновенію не можемо за толике родолюбиве подвиге светлости Твоіой достойно благодарити. То є иначе задатакъ

повѣстнице, коя ће име светлости Твоє у покрету нашемъ безсмертномъ славомъ увѣнчати. Садъ су озбилнія времена коя и Твоє светлости и наше вниманіе у пуной мѣри изыскую.

Светлый Бане! Мы смо се довольно увѣрили, да кораке светлости Твоє, поредъ вѣрности спрамъ Цара Господара нашегъ, само єдино искренно и нелицемѣрно родолюбіе руководи: мы смо увѣрени, да ништа тако на срцу светлости Твоє не лежи, као срећа и напредакъ Србскогъ и Хрватскогъ народа: пакъ зато, што смо у томе пуно увѣрени, што знамо да у юначкимъ грудима твоимъ ватрено Славенско срце біе, да у Твоіой светлости и нама, єдна жила, єдна крвь тече, зато узымамо слободу къ светлости Твоіой као Поглавару народа нашегъ, неколико искрены речій прословити.

Мы смо светлый Бане! колико за цара толико за светыню и честь народности наше, за войводу и войводовину на оружіе устали. Народность намъ є царскомъ речію обезбѣђена была; Войводу смо у лицу изгубили, и народъ є са многи страна одавно гласъ свой чути дао, да повогъ войводу што скоріе бирати жели. Али войводовине Србске границе; . . . идолъ онай Србскогъ народа, кои є насъ на оружіе одушевлявао, кои є Србљ на равницама Бачкимъ и Банатскимъ противъ неброєногъ числа непріятеля, къ побѣди предводіо, . . . ево! година дана одъ како се ише и моли; пакъ ни данасъ нису потврђене. У областима нашимъ, заведене су покретомъ народа у

оно време кадъ су старе власти према новомъ духу времена сасвимъ изнемогле, и народъ судби и слепомъ случаю пустиле, народнѣ власти; на челу овы Главный Одборъ, као привремено народнѣ Правителство, равнымъ начиномъ изъ народа и вольомъ народа поставлѣнъ є био. Правителство ово є народъ Србскій према толикима обманама непріятеля нашегъ, и у толикимъ бѣдама и незгодама у вѣрности спрамъ цара у миру и поредку, у одушевленію за светыню ствари наше одржало, и у бѣдномъ своемъ станю одъ очаянія до данасъ сохранило. Садъ се светлый Бане, духу овомъ и тежняма народа нашегъ противанъ правацъ показує. Нигдѣ на другомъ мѣсту станѣ обсаде, и воєни коммиссари, нису на тай копацъ поставлѣни да руше, и истиспу установленіе за коє є царъ речь свою подємчіо. Но овде кодъ насъ тако єсть.

Кадъ бы нови поглавари наши на то смерали своимъ правцемъ, да будуће побуне предупреде; мы ни слова не бы рекли. Но као што о бунтовномъ духу кодъ насъ ни спомена быти не може, тако и народъ већъ мысли и мыслити мора, да су нове уредбе ове само на уништенѣ народны властій и нашегъ Правителства удешене.

Ово Бане! мы никадъ заслужили нисмо. Мы смо увѣрени да є само одржаванѣ светыня народньи и наблюдаванѣ правичности и равноправности съ обе стране, у станю миръ и поредакъ у земльи одржати.

Онако исто, као што є саборъ троєдне кралѣвине заключіо, мора постояти войводство, и єдинство тѣла воєне границе и провінціяла. Свакій є непріятель подмуклый Цара, кои Міністерство на противный путъ наводи, и тимъ само Мађару служи; єрбо гледа да се нѣгова предсказанія обистине. То є душманинъ нашъ Мађаръ оддавна предвозвѣстіо, да ћемо мы као орудіє само на то употреблѣни быти, да се старо станѣ ствари са свима своимъ незгодама, неправдама и погрѣшкама воспостави.

Опростите Бане! што тако напросто говоримо. Пріятелю Цара и народа не можемо другчіє. Насъ боле светлый Бане! што се народнѣ Правителство и народнѣ власти наше укидаю; а она званія стара, коя су Мађарима похлѣбствовала, наново заводе. Насъ боли, и горко боли, што се съ нама по ономъ истомъ правилу, као са бунтовницыма у свему поступа, и што изъ свега тога видимо, да се мы не трактирамо съ онымъ повѣреніємъ коє вѣрность наша, коє старе заслуге наше, коє проливена драгоцѣна крвь Србска, и неизмѣриме жертве народа Србскогъ праведно и подпуно заслужую.

Одъ Твоє Светлости Бане! очекує уцвелѣный народъ овай утѣху и уврачеванія. Мы веруємо, да су тегобе ове наше само слѣдства несрећне оне сістеме, коя є досадъ на челу врховногъ управленія свію противъ бунтовника употреблѣны сила царствовала, и зато се радуємо, и изъ свегъ срдца радуємо, што є по паденію сістеме те, верховно руково-

денѣ южны предѣла Твоіой Светлости съ неограниченомъ властію вовѣрено.

Кадъ є дакле светлый Бане! Твомъ родолюбію пуна власть оставлѣна, а одъ Бога ти є зракъ правде засинуо; зато светлый Бане! одъ Твое Светлости жельно изчекива и иште народъ Србскій, не само да му домъ и огньиште одъ душмана што скоріе ослободишъ, гди ће оиъ позыву светлости Твоє одушевлѣнно слѣдовати, и листомъ на бойно полѣ за Баномъ поћи; но іоштъ поредъ тога као што смо се изъ обштегъ мнѣнія уверили, жели:

1.) Да Народнѣ Правленіе, као што є то духомъ времена заведено, а Царевомъ вольомъ припознано, у целости невредимо изволишъ одржати. Мѣрама воєнымъ то не само сметати неће, него ће клонувшій духъ народа дигнути, и подвиге воєне подупирати. Съ мѣрама воєнымъ є Правителство войводино и народнѣ власти досадъ се слагале, пакъ зато садъ збогъ воєны мѣра не смеду пропасти.

2.) Будући да Правителство ово, коє садъ постои, ніе саставлѣно изъ лица, коє бы довольно снаге имала, да тако тежкомъ и важномъ задатку своиь по жельи одговоре, као што є то при првомъ тренућу с акогъ покрета обычно. Зато потребно є, да се Правителство вручи у крѣпчіе руке, и да се реорганизира, а тимъ увдно.

3.) Да се отношенія воєнпе комманде са Правителствомъ, и у обште съ народньимъ властима опредѣле, и тако међусобна насртаня предупреде.

4.) Да се по новоустроєнію Правителства, што скоріе народня скупштина подъ твоє Светлости заштитомъ сазове, и сходне мѣре за обезбеђенѣ најсветіи права свои у призренію избора Войводе, по увиђенію своємъ опредѣли.

Твоя Светлость ће сама увидѣти, да се само онда кадъ войводовина у овомъ степену политичногъ живота и свести буде, о найтешнѣмъ союзу са Троєдномъ Кралѣвиномъ, кои народъ Србскій заиста изъ свегъ срдца ватрено жели, и коме ће за любавь све изъ стары предразсужденія заоставше препоне съпута уклонити свойски потрудити и озбильни договори предузимати могу, єръ пре тога нема власти, у коіой бы се воля народа као усредоточена сматрати морала.

Народъ се одъ родо — и правдо любія светлости Твоє, нада и очекує и повѣрує Свѣтлости Твоіой, кога люби и почитує као найзаслужніегъ и найодабранієгъ у народу своме, да му Ты Светлый Бане овымъ начиномъ, не само на бойномъ но и на политичпомъ полю предтеча болѣгъ живота и будућегъ благополучія будешъ.

У Земуну 17. Мая 1849.

(Слѣдую до двеста подписа.)

VIII.

БОЙ КОДЪ ЄЧКЕ.

(3. Іулія 1848.)

Ово описанѣ боя кодъ Єчке, у комъ смо мы првый путъ офензівно поступили, долази изъ уста таковогъ човека, кои є у нѣму суштествено участвовао, и ако нема, што се истинитости тиче, више важности, него званично извѣстіе, толико за цѣло има.

„Перлезскій станъ хтѣо є трећега Іулія силомъ себи путъ крозъ Єчку у Бечкерекъ да прибави. У нѣму є было, што се употребити могло, 3 баталіона ињантеріе, по 1500 людій, и около 400 Сербіянаца, и 12 топова. Коммендanти были су: Стратимировићъ, као врх. коммендантъ, Обршт. Дракулићъ као коммендантъ стана, Маіоръ Єлачићъ, и капетанъ Стефановићъ, као баталіонски коммендanти, и Янча, поглавица Сербіянскій. Войска се крене изъ стана у 3 сата у ютру. Капетанъ Стефановићъ управляо є предню чету, коя се састояла изъ 5 компанія наоружаныхъ граничара, 100 Сербіянаца, и 3 топа. За ньимъ є ишла у степенима (in Staffeln) десно одъ

друма на 1000 корачаи главна войска, а за овомъ опетъ у исто таковомъ виду и разстояню резерва.

Мы дођемо на єдну высину, коя є башъ ондѣ лежала, гдѣ су се друмови изъ Томашеваца и Перлеза у Єчку састаяли, на кою я таки моя 3 топа извести дадемъ. Ватра сама заподела се већь раніе на лѣвомъ крилу, међу моимъ предняцыма и мађарскомъ регуларномъ труппомъ, коя є съ оне стране Єчке у Врбняку поставлѣна была. Одъ оне спомснуте высине къ Єчки лежи на єдно 100 корачаи одъ прилике далеко каменный мостъ преко єдногъ пресушеногъ воденогъ корыта, коє Єчку у пола круга опасує, и између моста и Єчке налѣво одъ друма, на 800 корачаи далеко єдна кречана и кућа, надесно пакъ одъ друма на 1000 корачаи далеко одъ моста био є редутъ направлѣнъ. Непріятель се био источно одъ Єчке, и источно одъ овогъ редута на обрапу поставіо. Нѣгово десно крило и центрумъ састаяло се изъ хусарске регименте Хановеръ, а на лѣвомъ нѣговомъ крилу стояо є єданъ ешкадронъ улана са 1 топомъ. Колико се могло познати, имала є хусарска регимента полъ кавалерійске батеріе, а у редуту су стояли два 6- и єданъ 12- фунташъ.

Я самъ єднако напредъ ступао разметнувшъ єдну компанію у пленклере до онога сувогъ корыта, гди се хусарска регимента већь справляла на мой баталіонъ аттакирати. Садъ направи авангарда массу, и очекивала є у овомъ виду кавалѣрію. У исто време пошлѣмъ я гласъ врх. коммендапту, да ми де-

ный бокъ закрили. Како се топови извезу, започне се артилѣрійска ватра са обадве стране. Непріятельскій 12-фунташъ на петый хитацъ нашегъ 6-фунташа уђути. Топови су оштро пуцали. Докъ є атак-колонну формирао, морао є непрілтель велику штету претрпити, будући да є бію нашимъ топовима яко изложенъ. У масси постављена авангарда не изгуби на єдногъ човека, єръ непріятельски топови нису могли у шупльину угледати, у коіой су они поставлѣни были.

Главна труппа, коя се на бойномъ полю поставила, и резерва быле су у высокомъ кукурузу сакрывене, и нису одъ непріятельскихъ топова много патиле.

Кадъ топовска ватра уђути, и кавалѣрія се у своє прво положенѣ натрагъ повуче, онда буде авангарду правећій баталіонъ за юришъ у колонне развыєнъ, а у исто време ступи са десногъ крила главна труппа противъ непріятеля напредъ. Сербіянцы су были разсути између баталіона и компанія, одъ части предъ оддѣленіяма, а одъ части у среди између ньихъ. У маршираню у напредъ престане међу компаніяма и баталіонима свакій редъ, и люди су маршірали разсути, него и опетъ у нѣкой свези противъ ту стоєће кавалѣріє. У овай махъ одъ прилике налазіо се мой баталіонъ у среди, надесно одъ нѣга, као найкрайнѣ десно крило више компанія главне труппе, подъ личномъ, юначкомъ коммандомъ капетана Янче, а на лѣвомъ крилу на друму стояла

є компанія петроварадинске граничарске регименте и више других компанія подъ заповѣстима маіора Єлачића.

Изъ тога узрока, што є мой баталіонъ найкраћій путъ до непріятельске кавалѣріе учинити имао, и два путъ у брзомъ кораку баіонетъ обоо, доће онъ хусарской регименти најближе и то на пушкометъ. Двапутъ се ова хусарска регимента окренула, и на 100 корачаи натрагъ уступила. Садъ почне палѣво изъ обкопа артилѣријска ватра, и пресыпала є цѣлу равнину, поземаљке (grasend); съ десна є пуцао онай топъ, кои є за уланскимъ ешкадрономъ поставлѣнъ быо. Ватра топовска была є жестока, и у найпрвымъ редовима буду многи ранѣни. Лѣво крило, будући да є цѣо друмъ одъ непріятельскихъ топова анфилиранъ быо, ніе могло далѣ напредъ. И десно крило заостане мало натрагъ. Резерва є была, као што є и требало да буде, у суразмѣрной дальини острагу заостала. Сувише іошт зачуе се гласъ: нема више муніціе за топове. Све ово, скопчано съ дѣйствованѣмъ топовске ватре, кое наши люди никада дотлѣ видѣли нису, учини, да се мои люди зауставе. Кадъ смо овако нѣко време стояли, заповѣдимъ я, да се полагано натрагъ враћамо, што баталіонъ и учини, враћаюћи се све коракъ по коракъ. Мы се онда скупимо, — а на моє велико чудо кавалѣрія ніе нимало терала ни узнемиривала, — на оной првой высини на Єчканскомъ друму. Овдѣ буде заповѣсть дата, да се иде у станъ.

Докъ є бой траяо, покушавао є непріятель са своіомъ регуларномъ інфантеріомъ да насъ лѣво изъ врбняка обиђе, но то є топџи-баша Тешићъ осуєтити знао.

На ово се у раздрешеномъ реду у станъ врати-мо. Мы смо имали около 12 мртвыхъ, међу коима є био капетанъ артилѣріє Янковићъ, и 24 ранѣныхъ; по вѣродостойнымъ гласовима, имали су непріятельи до 80 коє мртвыхъ, коє ранѣныхъ, што се лако вѣровати дає, будући да є кавалѣрія све у колонни или масси нашимъ топовима изложена стояла.

Резултатъ овога боя за насъ є угоданъ. Єръ негледаюћи на то, што є непріятель већій губитакъ имао, наши люди имали су прилику на топовску ватру навыкнути се, и наспрамъ кавалѣріє срце и поузданѣ у себе добыти. Напослѣдку пакъ и непріятель є искусіо, да му ту не стоє противъ нѣга гомиле інсургента, него срчани и бою вѣшти войницы, кои су га крозъ 6 сатій забавляти знали.

Прим. Овдѣ изложени рангови мілітарски сви су онога времена народни.

IX.

ЖЕНСКІЙ ЮНАКЪ.

НОВЕЛЛА.

(образъ изъ послѣдњегъ покрета).

Крај.

3.

Комендатъ дочека свое офіціре смѣшећи се. „Но єсте ли били сви на време готови?“ запыта онъ њихъ.

„Како самъ се я плашіо, да у подобномъ случаю не буде“ одговори Стефановићъ, „добро є ишло.“

„А зашто сте се вы плашили, господине маіору?“ запыта га далѣ комендантъ.

„Зато, єръ наши люди ето толико мѣсецы леже бадава, у пуной сигурности и безбриги, као да су гдѣгодъ на моби, а не да су у логору, гдѣ имъ свакій данъ погибель осванути може. Па самъ мыслio, како се наши люди разузурити обычай имаю; ако непріятель изненада удари, прсну ње све, кудъ коє, неће ни єдно на обрану помыслити.“

„Али сте се у вашой мысли преварили?“

„Єсамь, то є истина,“ одговори простодушный Стефановићъ.

„Тако и други многи мысле“ примѣтн комендантъ; „тако и у Карловцы мысле,“ дода онъ мало подсмѣхнувши се. „Али се сви вараю. — Зато самь я данасъ и уредіо, да се ова празна буна начини, да се сви увѣре, да мои люди нису тако нерадньомъ деморализирани (на овыма рѣчма удари онъ гласомъ яче), као што у Карловцы мысле, и као што нѣки одавдѣ (и ове рѣчи комендантъ мало силніе изговори), тамо являю. Садъ сте се сви, моя господо, увѣрити могли, да се ништа бояти немамо, ако непріятель башъ и изъ ненада на насъ удари. Али онъ не смѣ на насъ ни изъ ненада, ни не изненада. Онъ є задоволянъ, ако мы на нѣга не ударамо.“

„Я не знамъ, какве вы вѣсти имате“ одговори Стефановићъ, „али ньима башъ небы много вѣровао, ма одъ кога да долазе. Кишъ може свою силу, да мы ништа о томе и не чуємо, на 12—15.000 людій умножити, єръ онъ има на све стране састанакъ са осталымъ мађарскимъ труппама слободанъ. Съ томъ силомъ може се онъ већь усудити на насъ ударитн, особито имаюћи онолике и онакве топове у рукама, какви су противъ Србобрана употреблѣни были. — Што они нису досадъ на насъ нападали, то могу лако разумѣти; они су были и сами непреправни, па су се морали најпре спремити. Али да ће они іоштъ дуго тако исто ћутити, и ништа не предузимати, то не могу помыслити. Времена су имали доста препра-

вити се; а ево є Августъ на измаку, до Октобра мораю што учинити, ако нису полудили, да толикій трошакъ, кои су ове године спремаюћи се учинили, у воду баце, єръ у Октобру могу ударити кише, па онда се у Банату, кадъ се оно у свемірной исторіи познато банатско блато отвори, ништа радити неда. А къ тому и то долази, што они не смѣду нама зиму дати дочекати овако, како смо садъ, и то изъ два узрока: прво што ћемо мы, што годъ дуже сили ньиной противстояли будемо, све више духа и слободе добывати; а друго: што ћемо мы зиму моћи употребити на-то, да се болѣ утврдимо и свакомъ потребомъ снабдѣмо, па онда є теже съ нама изыћи на край. — И зато, я и опетъ ево оно исто велимъ, што самъ и отоичъ у савѣту рекао, да ће Мађари по свой прилицы скоро на насъ ударити, ако мы на ньихъ не ударимо; и зато да морамо увѣкъ на опрезу быти.“

„На опрезу быти! На опрезу быти!“ рекне комендантъ опоро, и видило ле, да му є овай говоръ врло неповолянъ; „као да садъ нисмо на опрезу? Или као да я нећу, да смо на опрезу? — На опрезу смо мы и досадъ были, као што самъ вамъ ето овай часъ доказао; а на опрезу ћемо и одсадъ быти. У осталомъ я самъ подъ одговоромъ за овай логоръ, и моя є брига гледати, како ћу за нѣга одговарати. — А вы садъ, господо моя сѣдите, па да весело вечерамо.“

Вечера се донесе; али веселѣ не даде се тако лако донети. На команданту се видило, да му нѣшто на срцу лежи, што му башъ ніе было найпріятніе. Стефановићъ и Милоє ћутили су, и текъ кадкадъ кою проговорили су. Одъ тудъ одъ овудъ па се разговоръ увѣкъ враћао онамо гдѣ се пре вечере започео: да треба на опрезу быти.

„Погрѣшка є велика учинѣна, господо моя“ рекне капетанъ Драгићъ, „што мы нисмо оно онамадне, кадъ су непріятельи противъ Србобрана отишли были, на Бечкерекъ ударили. Како су ондѣ зло прошли, да смо имъ іоштъ мы Бечкерекъ отели, повукло бы неизрачунѣна слѣдства за собомъ. Цѣо Банатъ пао бы єднымъ ударцемъ у наше руке, а съ оне стране Тиссе небы се могли они станити до Сегедина и Субботице, и тако бы и цѣла Бачка наша подъ насъ дошла. Узмите колика бы то помоћь за насъ была. Колико бы мы людій, колико другихъ нуждныхъ средства одъ туда имали! А овако! Да Богъ да, да мы ову нашу погрѣшку онымъ не платимо, чимъ є платіо Адамъ свою у раю: смрћу! Да Богъ да да они нама не отму Перлезъ, кадъ мы ньима нисмо хтѣли Бсчкерекъ. Нисте ли сви читали у загребачкимъ новинама слово, коє є фінанціе міністеръ мађарскій на дієти у Пешти говоріо? Заръ не видите изъ онога, да є нама ратъ формално обявлѣнъ; да су се они сасвимъ спремили? Я дакле мыслимъ исто онако, као што є г. Стефановићъ казао, да Мађари

на насъ до кои данъ ударити мораю, и да се мы са свимъ за то преправити морамо.“

„Та већь вы другчіе мыслити и не знате, него као г. Стефановићъ,“ проговори на ово другій капетанъ, кои є као найжешћій привржepisнікъ команданта познатъ быо; „а я вама то кажемъ, да онай, кои є знао овай логоръ скупити, и овако у редъ довести, да є првый логоръ одъ свію другихъ србскихъ, найболѣ ће знати и о томе постарати се, да се овай логоръ обджи. Гдѣ сте вы онда были, кадъ смо мы у овай логоръ сгупили? Па оставите насъ и садъ на миру, немойте намъ посао кварити! Све єднако вичете: удари ће на насъ Мађари,— нећемо се моћи одржати! А што съ тимъ друго чините, него само людма страхъ задаєте, па ће найпослѣ сви помыслити, да се не можемо одржати, те ће башь то учинити, да се нећемо одржати. Ніє ли болѣ народу то увѣренѣ дати, да се непріятельи насъ боє, и да ћемо мы лако съ ньима на край изыћи? — Я кажемъ ево предъ свима: да ако вы іоштъ дуго тако по логону викали будете, да ће та ваша вика пропасть нама донети!“

„Одобравате ли вы, господине команданте, то, што г. капетанъ изговори?“ запыта Стефановићъ.

„Подпуно“ одговори му Комендантъ.

„Я самь свагда быо искренъ,“ продужи Стефановићъ, „то знате; па зато и сада другчіе поступати не могу. Я у томе, што є г. капетанъ изговоріо, и што вы те нѣгове рѣчи предъ свима нама за

ваше примате, ништа друго не видимъ, него позывъ, да я и они, кои другчіе мыслимо и говоримо, изъ логора идемо. Є ли тако господине коменданте?“

„Стои вамъ на вольи мыслити и радити, шта хоћете,“ одговори му овай. „Мы смо безъ васъ логоръ овай скупили, мы ћемо га безъ васъ знати и одржати.“

„Добро, господине коменданте,“ настави Стефановићъ, „я ћу сутра у ютру мѣсто моѳ оставити, а вы га изволите коме другомъ дати.“

„Можете и вечерась іоштъ то учинити, ако вамъ є тежко до сутра чекати.“

„Я знамъ да бы нѣки люди волели, да я то пре раніе учинимъ, него доцніе,“ рекне Стефановићъ мало увређенъ рѣчма коменданта; „али я нећу овай коракъ послѣ вечере, кадъ смо се наѳли и напили, да учинимъ, него сутра у ютру, кадъ будемо сви трезни, да намъ се ни єдномъ пребацыти не може, да смо угрѣяни то учинили, да се ни єданъ не може съ тимъ изговорити, да є у пићу тако говоріо и радіо, а другчіе да небы.“

Маіоръ Стефановићъ ніе піо вина, и зато на ове нѣгове рѣчи ѣипише они, кои су пили: „Па заръ смо мы піяни?“

„Я не кажемъ, да є ко одъ насъ піянъ;“ примѣти Стефановићъ; „я не кажемъ ни то, да є ко одъ насъ внна и піо: само то велимъ, да се ово за вечеромъ говори и ради, и да по томе други люди могу мыслити и за мене, да самъ быо угрѣянъ, а вы ево

сви знате, да ја ни окусіо нисамь, а тако исто и за друге. А и то вамъ кажемъ, да ће свакій, кои садъ што учини, а послѣ се узкаѣ, пре волети рећи, да є то у пићу и шали учиніо, него съ вольомъ и намѣромъ. Вы видите дакле, да моя намѣра ніє никога увредити; него само радъ самь онако стварь да уредимъ, да самъ себе никадъ ни съ чимъ корети немогу. На ово устане и оде.

„А я вама опетъ кажемъ господине капетане“ рекне онда капетанъ Драгићъ своме противнику, „да вы немате веће усрдіє спрама наше свете ствари одъ мене, па макаръ да сте вы овай логоръ скупили, а не я. И то ћу таки да вамъ докажемъ. Господинъ Стефановићъ одлази одавдѣ, и треба да одлази; зашто му овдѣ мѣста ніє, а нѣгову главу требаю и на другомъ мѣсту, и моћи ћеду є са већомъ хасномъ употребити, него да овдѣ остане. Али я не одлазимъ одавдѣ. Я ћу овдѣ остати, али не као капетанъ, него као простъ войникъ. Као капетанъ небы смѣо ћутати, па бы іоштъ све на мене бацыли, ако бы стварь хрђаво испала; а као простъ войникъ могу лѣпо ћутити, а вы радите, како знате, а одговарајте, како знате. Я ћу, што се мене тыче, као простъ войникъ мою дужность тако испунявати, као што самь є као капетанъ испунявао, и то знате сви, да ми нико ніє никадъ зле рѣчи рекао, ако ніє ко добру.

„То є похвална ревность“ рекне комендантъ. „Међутимъ васъ нико не тера, да капетанство оста-

вляте. Добре офіціре я требамъ, а знамъ ихъ тако исто уважавати, као ма ко другій.“

„Већь я остаємъ при ономъ, што самь рекао“ одговори Драгићъ, „а нити самь я првый ни послѣдный, кои ће свою компанію добро водити.“

Іоштъ се мало забави дружство, пакъ онда устану и разиђу се. Сутра данъ преда Стефановићъ свой баталіонъ новомъ управителю, а онъ се стане спремати, да изъ логора одлази,

Послѣ ручка дође къ нѣму маіоръ Милоє, и рекне му: „кадъ полазите господине?“

„Предъ вече!“ одговори му Стефановићъ.

„Идемъ и я съ вама!“

„Како то?“

„Идемъ и я одавдѣ! — И я самь се са комендантомъ опростіо.“

„А зашто?“

„За оно, за што смо се и юче у савѣту оноликo инатили. За онай редутъ кодъ врбняка. Данасъ у ютру станемъ му я опетъ говорити, да се рытъ пресушіо, и да намъ непріятель лако съ те стране нахудити може.— Колико ћете ми путы већь съ тимъ уши набіяти? Єсямь ли вамъ юче казао, да то ніє нимало одъ потребе, и да я немамъ толико топова, да сто редута съ ньима напунимъ. Само да хоћеду єдаредъ ти люди, да разуму, да сви не могу коменданти быти. Како кои до баталіонске команде дође, онъ таки мысли, да га и комендантъ логора слушати мора. Пакъ ако ніе по ньиной, онда хука бука на

све стране, и то имъ є найвећа радость повћренћ людій къ своме главномъ команданту подрывати. Па онда самь имъ я кривъ, што се ништа не предузыма. Гдћ ће врагу што предузети човекъ съ людма, кои све хоће болћ да знаду одъ нћга, и кои ће ићи налћво, кадъ имъ се заповћди, да иду надесно.“ — Овако онъ лютитъ изговори. Я самь видіо, па што онъ иде, и зато му нисамь дао далћ говорити, него га само запытамъ: И вы нећете дати тай редутъ правити? — „Нећу!“ одговори онъ. — Є дакле, а вы примите баталіонску команду изъ моє руке, и предайте є, коме вамъ є драго; я одлазимъ одавдћ. — „Стои вамъ на вольи, можете радити, шта хоћете“ рекне ми онъ. И тако я ево наумихъ ићи у Карловце, ако ме гдћ могу на болћ мћсто оправити; а ако имъ гдћ болћ послужити не могу, а я идемъ, одкуда самь дошао, єръ ми се већь досадило гледати, како слћпи люди силомъ у пропасть срляю.“

„А мы можемо заєдно,“ примћти Стефановићъ, „и я идемъ у Карловце. Ако є истина, што се чує, то се можемо скоро овамо вратити; а ако ніє, а оно болћ намъ є на свакій начинъ, да смо што далћ одавдћ. Зашто — зашто — Но оставимо се садъ разговора време ће найболћ показати, єсмо ли болћ учинили, што смо отишли, или бы болћ погодили, да смо остали.“

Предъ вече оду ова два одлична офіціра изъ логора и преноће у Тителу.

4.

У 5 сатій у ютру сутра данъ пробуди жителѣ Тителске груванѣ топова одъ Перлеза; полъ сата доцніе укажу се први бѣгунцы изъ Перлезкогъ логора, и яве, да су Мађари на наше ударили, и страшно ихъ потукли. Цѣо логоръ стои у пламену; стотинама леже люди поклани. Мађари су наше у сну напали, и све онако спаваюће поклали; све топове и цѣлу муніцію отели су побѣдительи. Што є живо заостало прспуло є на све стране, а Мађарски хусари віяю бѣгаюће, и за нѣколико тренућа быће предъ Тителомъ.

Учини се буна по Тителу. Люди пограбе пушке; топови се на брду тителскомъ преправе, да непріятеля дочекаю. На добра стакла могло се видѣти, како се логоръ нашъ пуши, и како люди неуредно на све стране бѣже. Али іоштъ се по кои топъ чує, знакъ, да іоштъ има нѣко, кои се одупире.

Стефановићъ и Милоє похите преко Тиссе къ Перлезу, да виде може ли се што помоћи. Али на путу ихъ све више и више бѣгаюћихъ людій срѣтне. Они ове зауставе, и таки у редъ ставе, да долазеће приме, уреде, и тако, ако могуће буде, или напредъ ступе, или натрагъ повуку и Тителъ заклоне.

„Право сте вы говорили, господине Маіору,“ рекне єданъ граничаръ. „Да су васъ послушали, небы овако прошли.“

„Али шта се то збыло? момче! Тако на єданъ махъ, тако за кратко. Заръ се вы писте нимало бранили?“

„Како ћемо се бранити, кадъ се Мађаръ на єдаредъ у нашимъ колибама створіо! ко є животъ изнео, то му є све; све друго остало є у логору, и или є изгорело, или однешено. Колико ньихъ има, кои су обувени? Могао бы ихъ све на прсте изброяти.“

„А заръ вы писте осѣтили, да се непріятель приближава? Та то ніе поноћь, него данъ.“

„Мы смо га осѣтили онда, кадъ га ніе ту было“ одговори граничаръ; „а кадъ є ту быо онда га нисмо осѣтили.“

„Како то?“

„Ноћось у поноћи стану пуцати на првымъ стражама пушке, и цѣо се логоръ алармира. Шта є? Шта є? Момцы на првымъ стражама витлали нѣке конѣ, да ихъ ухвате, пакъ онда кадъ ихъ не могли стићи, а они окренули на ньихъ изъ пушака пуцати. Комендантъ лютитъ, што се напразно буна диже, стане викати, што люде буне, те се мы наново разузуримо и полежемо. У оной буни и смутньи прошао є быо сатъ, два, и већь се стане свитати. Садъ помыслимо мы; кадъ ніе Мађаръ досадъ ударао, у зору за цѣло неће, па се изуємо и посвлачимо, те полежемо, и заспимо као заклани. На єдаредъ пробуди насъ рыка топова. Я скочимъ па предъ колибу, а тане топовско поредъ моихъ ушію. — Та ти су ту, помыслимъ я у себи, па брже зграбимъ пушку по

среди и онако босъ нагнемъ на полѣ. Али имамъ што и видити. Комендантова кућа већь букти; у логору нашемъ већь єдно 20 колиба запалиле се па гору. Люди поскакали па у оной забуни, трче као безъ главе, то овамо, то онамо. Кои су были на другомъ краю логора, ти се дочепали друма, па бѣже, што могу болѣ. Само са єдногъ нашегъ редута чую се топови; други ћуте. Непріятельи су по пресушеномъ риту.“ —

„Єсамь ли я говоріо“ повиче Милоє.

„Є камо срећа, да су васъ послушали“ настави граничаръ. „Да смо мы ту страну на умъ узели, и тамо єданъ редутъ направили были, небы зацѣло овако прошли. Шта вамъ є ту людій пропало! Мађари су таки у логоръ упали, и оне, кои су на оной страни были, іоштъ леженe у колибама напали, и потукли, па онда колибе изъ руке запалили, и тако дымомъ и ватромъ, пушкама и топовима своима забуну подпуномъ учинили. Вика и дрека людій была є ужасна. Тапета су звиждала на све стране око ушію. Часъ полъ чула се коя бомба — и бомбе су бацали на насъ — мумлати, коя се наскоро затимъ разпрсла, и облакъ одъ землѣ и прашине означавао є мѣсто, на комъ се разпала. Ніе прошла четврть сата, а наши су были већь у великимъ гомилама на друму къ Перлезу у пуномъ бѣгству. Найпослѣ видимо мы, кои смо се на єдномъ мѣсту за єндекомъ у редъ поставити трудили, да ту нигдѣ никогъ нема, кои бы насъ управляо, єръ су офіціри были понайвише први

поутицали, окренемо леђа горећемъ логору, и пођемо овамо.“

„Досадъ є дакле све прошло?“ запыта Стефановићъ.

„По свой прилицы да є, господине. Кадъ смо мы отишли, остало є нѣшто нашихъ само око єдногъ редута. Ту смо видѣли Србіянце и нѣшто нашихъ граничара, и ти су се држали; али не вѣруємъ, да нису већь и они уступили. Зашто нієе могуће, ни да се четврть сата држе. Како смо се мы разбѣгли, морали су ихъ Мађари са свію страна обколѣти, па колико се може єданъ редутићь спрамъ цѣле Мађарске силе држати!“

„Є Дракулићу, Дракулићу, зашт' ме не послуша!“ викао є маіоръ Милоє.

„Тако се дати обизненадати!“ викао є маіоръ Стефановићъ.

Садъ є на све стране нѣколико тренућа тишина владала.

„А шта є съ топовима?“ запыта садъ далѣ Стефановићъ.

„Шта є! остали су сви на своимъ мѣстама. Мы ни єданъ нисмо на цѣломъ друму стигли, а ни изъ далека видѣли“ одговори му граничаръ.

Међутимъ є све више и више бѣгаюћихъ стизало. Што се више людій ту састаяло, то су више срца сви добыяли, и тако се радіе у редъ ставити даду. Сила є на то принело и повѣренѣ, коє су люди къ ова два офіціра имали. За кратко време стояо є

кодъ првога моста, кадъ се иде Перлезу, якъ єданъ баталіонъ граничара.

„Іоштъ пуцаю топови у логору“ рекне Милоє; „нашъ се редутъ іоштъ држи.“

„Юначки Србіянцы!“ проговори Стефановићъ.

Садъ пошлѣ Стефановићъ єдногъ офіціра у Тителъ, да небы они тамо у страху мостъ покварили, и овыма путъ пресѣкли. Па се онда окрсне Милою и рекне: „Хоћемо ли напредъ? Людій имамо прилично доста: ако се наши іоштъ уздрже, можемо мы тимъ, што се укажемо, ствари другій изгледъ дати.“

У тай паръ дигне се одъ Перлеза яка прашина.

„Хусари! хусари!“ Повичу люди, и нагну бѣжати.

„Станте! станте!“ повикну маіори и потруде се народъ задржати.

Офіціри таки уредбе начине, да хусаре, ако заиста буду, дочекати могу. Прашина се све ближе и ближе валяла, и кодъ првыхъ изметнутыхъ момака заустави. Ту се прашина слегне, и наши опазе топове наше, кои су изъ логора избавлѣни къ Тителу хитали.

Стефановићъ и Милоє приме топове, и садъ већь озбильски намысле у напредъ поћи. Али є међутимъ топовска ватра у логору онѣмила.

„Сиромашка браћо!“ уздане Милоє.

„Сигурно су сви изгинули!“ рекне Стефановићъ, и убрише єдну сузу изъ ока.

Съ лѣве стране узъ друмъ идући одъ Перлеза къ логору были су виногради, и по виногради куће, кое су се чакъ до подъ село повлачиле. Садъ почну оне одъ овыхъ кућа, кое су најближе логору стоя-ле, горети.

„Непріятельи су путъ къ Перлезу узели“ рекне Стефановићъ. „Наши су сасвимъ пали.“

Све нову и нову карику добыяо є овай ватреный ланацъ. Као огнѣна змія пружао се онъ све ближе и ближе Перлезу. Свакій новый пламенъ, кои є букнуо учиніо се као ватреный єзыкъ те гує, већь су се и пушке чуле, кое су по виногради пуцале. Ту су се мађарски предняцы са онима одъ нашихъ, кои су се задоцнили у бѣганю, пушкарали.

„Топове у сигурность!“ повиче Стефановићъ, и ова чета крене се къ Тителу.

Као што є граничаръ офіцірима приповѣдао о-нако є и было. Мађари су преко рыта изненада на наше ударили, и ове тако збунили, да нико на обра-ну ни помыслio нієе. Свакій є нагнуо быо бѣгати, кудъ є ко погодіо. Само капетанъ Янча са своихъ Србіянцы бацы се у єданъ редутъ, и стане се оду-пирати. Покрай нѣга стояо є капетанъ Драгићъ са младымъ Млатишумомъ. Ныхови су топови учини-ли, да непріятель нієе цѣо логоръ нашъ утаманіо. Већь є логоръ одъ нашихъ празанъ быо, а юначка ова четица све єднако є непріятеля далеко одъ себе држала. Дымъ горећегъ логора, и пуцаюћихъ топо-ва, и прашина, коя се на све стране дизали, нієе

дала разпознати, шта є управо на страни тога редута. Али непріятель ніє дуго у сумньи остати могао, шта є. Онъ изведе єзгру своє артилѣріє противу тога осамлѣногъ редута, као киша пресыпала су зрна наше юнаке. Єданъ є пао на десно, другій на лѣво. Као каменъ хладанъ стояо є Янча, ободравао своє люде и заповѣсти раздавао. Већь су топчіе наши сви коє мртви, коє яко ранѣни кодъ топова лежали. Садъ капетанъ Драгићъ приступи къ 12-фунташу.

„Дедъ момче“ рекне онъ младомъ Млатишуми, кои є блѣдъ као крпа, али дрзновено покрай нѣга стояо, “ гледай, овако се пали. Я ћу пунити, а ты пали! Помоз’те браћо!“ повиче далѣ на Србіянце, и одъ овыхъ таки нѣки у помоћь му прискоче.

„Пали!“ повиче Янча; Млатишума опали; топъ рыкне, а непріятель, кои є предъ редутомъ стояо подигне вику.

„Добро є было! — Момче позлатила ти се рука!“ викао є Янча, кои є на обкопу стояо и гледао, шта ће му топъ учинити.

„Ходи садъ къ другомъ“ рекне капетанъ Драгићъ, и оде къ 6-фунташу.

„Іоштъ не! іоштъ не!“ викао є Янча, кои є дурбанъ у руцы имао. „Садъ се уређую. — Тако тако: само наребарке! — Тако, тако! — Іоштъ малко чекай. — Чекай! — Чек — пали момче!“

Млатишума опали.

„Богъ да прости!“ рекне Янча, скочи са обкопа и загрли младића.

Садъ загрме опетъ топови непріятельски. Онъ се изванъ домашая нашихъ топова повукао, и свое велике топове извео, па тако нашъ редутъ уништити мисліо. Опетъ киша одъ топовскихъ зрна стане на наше падати. Наши полежу узъ зидове редута. Али є и опетъ многога непріятељска ватра поела.

Садъ се наново непріятељ на юришъ спремати стане.

„На топове юнацы!“ повиче Янча, ево ихъ близу.

Єданъ србіянацъ узме лунту, да опали.

„Не ты, не ты!“ викне Янча. „Подай овомъ маломъ! Онъ є болѣ среће!“

Млатишума узме лунту, и дркћућомъ рукомъ метне є на валю одъ топа. Овай груне.

„И другій, и другій!“ викао є Янча.

Млатишума опали и другій!

„Добро є! добро є! — Бѣже; спасени смо.“

Капетанъ Драгићъ попне се на обкопъ, погледи на све стране, па онда скочи съ обкопа, приступи Янчи и рекне му: „Брате, мы више не помого смо. Све є пропало. Наши су се сви разбѣгли, и непріятељ насъ є са свію страна обколіо. Само іошть овамо можемо у рытъ. Хайде, докъ не буде доцканъ!“

„Я не идемъ живъ одъ овыхъ топова“ одговори Янча. „Одъ васъ ко хоће, нека бѣга. Я овдѣ остаємъ.“

„Ал' ћешъ брате у залудъ погинути.“

„Па нека! — Пали овай!“ повиче Млатишуми. „Тако! Доста имъ є. — Я не могу овай данъ преживити. — Пали овай! — Тако, тако! Нека запамте Янчу. — Са томъ срамотомъ не могу я живити. Да є Богъ хтѣо, да я дуже живимъ, онъ ме небы овамо послао.“

„Нема више фишека! господару,“ повичу Србіянцы, кои су фишеке доносили.

„Нема фишека!“ проговори Янча. — „Нема, да Богме, ено ихъ у магази, а ову є непріятель заузео. Хайдемо, да ихъ донесемо.“

Ово рекне, па ханџаръ зграби зубма, а у обе руке по єданъ пиштоль, и нагне изъ редута.

Капетанъ Драгићъ задржи га. „Не иди брате!“ повиче му задржаваюћи га. „Ако си већъ науміо погинути, а ты погини овдѣ у редуту, баремъ ћешъ болѣ моћи свою главу замѣнити!“

„Право имашъ,“ рекне Янча и остане. На то скочи на обкопъ. „Ево ихъ къ нама!“ повиче долестоећима. Засадъ ћеду моћи до насъ доћи. Пушке момцы и ханџаре, па на шанацъ!“

Ови то учине. Капетанъ Драгићъ стане на другій край, до нѣга Млатишума.

Мађари, кадъ се приближе редуту, полете као хале на нѣга. Али баіонети и ханџари юначке посаде отераю ихъ у бѣгство.

„Янча брате! Жао ми те є! Хайде! Грѣота є, да такавъ юнакъ погине!“ повиче Драгићъ, кадъ Мађари уступе.

„Я не идемъ съ мѣста!“ одговори онай. „Хоћу, нека виде Мађари, да є овдѣ баремъ єданъ юнакъ было, а не саме кукавице!“

„Є брате мой! А оно съ Богомъ остай! Я морамъ одлазити. Мой животъ треба момъ сиротомъ народу. Са моіомъ смрћу овдѣ нећу му ништа хасити, а са животомъ вальда ћу іоштъ гдѣ моћи. А ако и не узмогу: погинути моћи ћу навѣкъ! Съ Богомъ.“ На то приступи къ Янчи, и загрли га пріятельски. „Да є таковыхъ више было, небы ни я морао бѣгати, ни ты гинути. Съ Богомъ брате!“

„Янча загрли капетана, и полюби га. „Поздрави ми брате Св. Патріярха, нека ми кою молитву за душу очита. Книћанину кажи, да му мою дѣцу препоручуємъ. Другой браћи поручуємъ, нека се одъ садъ на мене угледаю.“

На ово се окрене своіой дружини, и проговори: „Ко ніє радъ погинути, нека иде са капетаномъ; просто му было. Мени нећe ни онако нико што помоћи.“

Капетанъ Драгићъ погледи іоштъ єданпутъ на юнака, и ударе му сузе. Онъ зграби младогъ Млатишуму за руку и пође у рытъ.

„Ево ихъ опетъ“ повиче Янча, и погледи иза себе. Али ту више никога не быяше, него самъ нѣговъ вѣрный момакъ Остоя. Было ихъ є да и више; али они су други или мртви или у полакъ мртви на земльи лежали.

„Ты си самъ Остоя?“
„Самъ, господине!“
„А зашто ты не идешъ?“
„А куда господине?“
„Куда и другій!“

„Па съ коимъ ћу образомъ онда предъ господара у Београду да изыђемъ? како ли ћу се предъ госпоћомъ кодъ куће да укажемъ.“

Далѣ се нису могли разговарати. Мађари су се были сасвимъ приближили. Янча садъ сиђе се са обкопа и сѣдне на 12-фунташъ. —

У то време рекне мађарскій генералъ Кишъ своме другу Фетеру: „Али садъ є крайнѣ време, да ретираду заповѣдимъ.“

„Само іоштъ 5 минута!“ рекне Феттеръ молећи Киша.

„Я самь већь више путы данасъ вама за любовь одъ моє намѣре одступіо. Но садъ већь више не смѣмъ, Непріятельи се у виногради наново формираю. А ево ми башъ садъ гласъ донесоше, да се одъ Тителa нове труппе крећу. Мы можемо іоштъ страдати: а знате, да намъ леђа нису нимало сигурна. Я дакле хоћу, да се одмахъ ретирира.“

„Како заповѣдате!“ одговори Феттеръ.

У овай судбоносный махъ чує се одъ редута „Éljen! Éljen!“ И хусарскій офіціръ као муня преко поля лећаше къ врховномъ коменданту.

У тай паръ продерали су были Мађари у редутъ и ту на Янчу ударили. Први, кои су се преко

обкопа промолили, падну са разбієнымъ главама доле, оборени пиштольима неустрашеногъ юнака. Но за овима други доћу. Янча є мирно на топу сѣдіо, ханџаръ у руцы држао, и са закрвавлѣнымъ очима на долазеће гледао. За ньимъ є вѣрный нѣговъ Остоя стояо. Први, кои у редутъ уђу, поћу на Янчу са оборенымъ баіонетима. Остоя опали изъ своє дуге пушке и свали онога, кои є преднячіо на землю. Други се тргну и уступе мало на трагъ. Али се садъ нови у редутъ узпужаю. Єданъ одъ ньихъ обори пушку на Янчу и опали. Зрно прозуи покрай ушію Србина, кои є мирно своє пиштолѣ пуніо.

„Ево ти уздарѣ!“ повиче онъ, и опали пиштоль на онога, кои є на нѣга пуцао био. Немилостиво тане пробіє у главу, и онай се несрећникъ стропошта мртавъ на землю.

„Ево іоштъ єдномъ“ повиче Янча, и опали и другій пиштоль, па и другій Мађаръ груне о землю узъ првогъ.

Међутимъ є и Остоя своє пиштолѣ употребіо, и друга два непріятеля оборіо.

Мађари су се већь хтѣли натрагъ изъ редута повући, кадъ имъ нове силе приспѣду, и єданъ одъ ньихъ повиче: „Та ніє ли срамота, да намъ се два човека толико противе. Па ободе баіонетъ и навали на Янчу; но овай се измакне, и дочека непріятеля на ханџаръ, те му главу посредъ среде разцѣпи. Али таки и самъ съ топа на землю падне, єръ му є међутимъ другій одъ непріятеля пушку у груди сасуо.

Кадъ Янча съ топа спадне, навале други съ баіонетима на нѣга, и изрешетаю га цѣлогъ.

Остоя, кадъ види, да му господаръ паде, скочи на обкопъ опали іоштъ єданпутъ своє пиштолѣ у непріятелѣ кои су се надъ нѣговымъ господаромъ скупили были, свали двоицу на нѣга мртве, па скочи са обкопа на полѣ изъ редута, и похити къ рыту. Мађари скоче, и опале своє пушке за ньимъ. И съ десна и съ лѣва летила су зрна покрай вѣрногъ слуге юначкогъ господара, али га ни єдно не згоди. Онъ умакне у рытъ, и тамо се сакрыє.

Летећій онай офіціръ носіо є Кишу овай гласъ, да є редутъ пао.

„Редутъ є нашъ г. Генералъ, и све што є у нѣму!“ повиче онъ іоштъ издалѣ.

„Єсу ли положили оружіе, или су ретирирали?“ запыта комендантъ.

„У редуту су само два Србіянца была т. є. жива, и нѣколико мртвыхъ“ одговори офіціръ.

„И ты су се тако држали?“ зачуди се комендантъ.

„Гдѣ су имъ топови?“ запыта онъ далѣ.

„Сви на своммъ мѣсту!“ одговори гласоноша.

Садъ приповѣди овай обширно, како су ушли, и како є Янча юначки умрео. Комендантъ и цѣла околина нису се могли доста томъ юначству начудити.

На ово дотрче нове гласоноше, и яве, да непріятельи на све стране неуредно бѣже. Кишъ заповѣди, да се къ Перлезу поступи,

„Тѣло тога юнака узмите подъ вашу обрану господине лайтнанте!“ рекне Кишъ офіціру, кои му є гласъ о Янчиной смрти донео. „Я хоћу да га сахранимо онако, како є заслужіо.“

Войска мађарска крене се напредъ, и куће по виногради стану горети.

У Перлезу є међутимъ све у найвећой буни было. Свакій є товаріо, што му є пре руку пало на кола, па бѣгао то къ Тителу, то далѣ къ Панчеву, куда се коме сигурніе учинило. Срце є могло у човеку препући, кадъ є ове бѣдне бѣгунце видіо. Пуна кола пртлига, а на њима старцы, жене и дѣца мала, многа на сиси. Жене запѣваю, дѣца дрече и плачу, люди псую и вичу. Покрай кола тера мужъ или коє одрасло дѣте марву, и срећанъ є био кои є ту могао са собомъ потерати. Нѣки су се одважили были остати, непріяельску войску дочекати и њой се подвргнути, зато су бѣле заставе преправляли, да ихъ на прозоре изставе, кадъ Мађари уђу.

Око 9. сатій уђу први хусари у Перлезъ, протрче крозъ мѣсто и врате се натрагъ. Око подне дође већа войска и съ њомъ Кишъ, прими оне, кои су му дошли изявити, да се подлажу, благо, и оде предъ ноћь натрагъ у Бечкерекъ. Далѣ нису наше гонили.

Сутра данъ даде Кишъ Перлезскій логоръ разорити и са земльомъ сравнити. Ондѣ, гдѣ є онай редутъ стояо, у комъ є Янча погинуо, даде онъ єдну велику раку изкопати, у кою све наше мртваце закопа. Али найпре є заповѣдіо, да свештеникъ изъ

Перлеза, кои є тамо заостао био, изыђе и свима опѣло очита. Янчу є съ пуномъ мілітарскомъ чешћу погребао, и на гробу му црнъ одъ дрвета крстъ подићи дао.

Дуго времена послѣ видіо є путникъ, кои є у Бечкерекъ изъ Перлеза путовао, голу поляну, и на той поляни єдну хумку, а на той хумки єданъ црнъ крстъ: свакій є србскій путникъ знао, да є то Янчинъ гробъ, и свакій є молитву за душу несравњеногъ юнака очитао, и сузу нѣговой смрти жертвовао.

Ова битка коштала є насъ до 100 людій, цѣо пртлягъ логорскій, сву муницію и 12 топова.

5.

Наши юначки бѣгунцы изъ редута лежали су читавъ данъ у рыту прикрывени, и текъ, кадъ се мракъ ухвати доћу на Тиссу и превезу се у Тителъ.

Капетанъ Драгићъ потражи таки Стефановића, и нађе тамо свс офіціре скуплѣне. Съ њимъ є было и младый Млатишума. Кадъ га маіоръ опази, повикне одъ радости, и похити те га пріятельски загрли.

„Єси ли живъ остао човече?“ запыта га при томъ, чисто своимъ очима невѣруюћи.

„Вальда самь живъ, кадъ самь овдѣ!“ одговори капетанъ смѣшећи се. „Я баремъ нисамь никога видѣо, да се по Тителу шета, кои ніе живъ.“

„Но хвала Богу!“ рекне на то маіоръ. „Я самь, Бога ми мысліо зацѣло, да си ты већъ на ономъ свѣ-

ту, кадъ сви поиздолазише, а тебе нема, а знао самь, да ты на другу страну небы, него управъ овамо.“

„Да самь се пожуріо, као ови други,“ одговори Драгићъ мало пакостно на друге погледавшъ, „могао самь и я зарана овдѣ быти.“

Ови сви спусте очи къ земльи.

„Али ты знашъ, да самь я мало тежакъ на ногу,“ — настави капетанъ далѣ, чисто нѣку радость осѣћаюћи, што му се дала прилика страшльивице посрамити, — „па докъ самь се я наканіо, дотлѣ є и данъ прошао. Па мало ти не пропадохъ. Увѣравамъ те, да ми є у средъ моє нужде и неволѣ данасъ у рату на умъ пало, да бы болѣ было, да самь мало лакшій на ногу, а тежій на єзыку, па да самь мало манѣ пређашньихъ дана говоріо, а мало брже данасъ потрчао, као ова срећна браћа евовдѣ што су чинила.“ При овыма рѣчма погледи онъ на ньихъ развукавшъ устне на посмѣхъ. Они опетъ очима у землю, и несносна тишина завлада за нѣколико тренућа

Најпослѣ се єданъ одъ ньихъ мало окуражи, па проговори: „Не знамъ, шта си и ты учиніо, што си остао? — И ты си морао најпослѣ у рытъ, као што и самъ кажешъ!“

„Право велишъ, браца Ћиро!“ одговори му капетанъ сасвимъ озбильски. „Ништа нисамь учиніо! А и шта ће овакова кукавица да учини? Али да сте

вы мои соколови тамо сви остали, да су вамъ была крила на рукама, мѣсто на ногама, сила бы се учинило! Знате шта бы се све учинило? Садъ бы мы могли іоштъ у логору вечерати, и вы бы се могли све єднако хвалити, да сте найболый српскій логоръ скупили, и да ћете га знати и сачувати!“

„Айде остави ихъ, брате, доста имъ є!“ одговори на ово Стефановићъ. „Камо срећа да су пасъ слушали, те се небы та несрећа догодила!“

„Не могу да ихъ не дирамъ, брате Іоцо“ рекне капетанъ горко. „Кадъ помыслимъ на онога човека, све бы ихъ батиномъ, а не єзыкомъ!“ Садъ Драгићъ уздане, и єдну сузу убрише.

„Кои є то човекъ, за коимъ капетанъ Драгићъ плаче?“ запыта маіоръ.

Драгићъ є ћутіо. Онъ є само кадкадъ, кои бѣснећій погледъ на офіціре бацыо, кои су своє мѣсто безъ капи крви оставили. Найпослѣ уздахне и проговори: „Кои є то човекъ? Пыташъ. Човекъ, комъ ови сви нису вредни да одреше каипіъ на опанцыма; човекъ, кои се са римскимъ Деціємъ и нѣмачкимъ Хоффером слободно узпоредити може; човекъ, комъ є честь дража была него животъ; човекъ, кои є лягу данашнѣгъ дана са српскога имена своіомъ юначкомъ крвлю опрао! Тай човекъ, кога сте вы кукавице у гробъ сатерали, єсть — али найпре свима ћу да кажемъ, да свакій капу скине, кадъ я то славно име

изговоримъ, зашто, ко то не учини, тай ће ми зато съ крвлю одговарати, па ма био мой рођеный братъ, — тай безпримѣрный човекъ єсть, на ово скине капетанъ капу съ главе, и са пунымъ побожности гласомъ изговори име: „Янча!“

„Янча!“ повиче маіоръ и скине капу съ главе.

„Капетанъ Янча!“ повичу сви други, и капе летише на све стране доле.

„Єсть браћо моя! Янча! Янча є тай рѣдкій човекъ, комъ се дивити треба. Онъ є само зато данасъ погинуо, да честь имена србскогъ спасе; онъ є зато умрео, што ніе данашню грдну срамоту преживити могао!“

Сви су ћутили. Нико се не смѣде усудити ту погребну тишину нарушити. Стефановићъ убрише крадомъ сузу, коя му на очи удари; уздахне, и напослѣ проговори: „Капетанъ Янча! — Дакле погинуо!“

„Погинуо, али као єданъ одъ найвећихъ юнака.“ Садъ приповѣди Драгићъ, шта є и како є было, докъ є онъ тамо био, и што є одъ момка Янчиногъ чуо, кадъ є онъ изъ редута отишао. Ца онда подигне гласъ и рекне: „Пытасте ме, шта самъ я учиніо, што нисамъ съ вама заєдно утекао? Ето шта самъ учиніо. Продужіо самъ за нѣколико тренућа найплеменитіи животъ. Браћо! Што є было, то се неда учинити, да ніе было. Али не было вамъ про-

сто, ако у будуће у свакой прилики на Янчине рѣчи не помыслите, коє вамъ є преко мене, поручіо: да се свагда на нѣга угледате! А нѣговъ ће духъ онда свакога одъ васъ тако загрлити, као што є дарас овога — гдѣ си дієте?“ рекне обзирући се и тражећи Млатишуму. Овай се био у єданъ буџакъ склопіо, и слушао, шта капетанъ говори. Драгићъ га узме за руку и уведе у среду офіціра, па онда настави: „Ево господо моя! Овай є младићъ срећанъ био, да га є србскій Дециє, юнакъ Янча нѣколико тренутака пре своє смрти загрліо! Овако младъ, іоштъ дѣте, у редуту, у комъ су 20 людій одъ 4000 непріятеля обколѣни были, на кои су 40 топова ватру блювали, у комъ су се люди око нѣга као муве извраћали, стояо є онъ као да є одъ камена, и паліо є топове на непріятеля тако хладнокрвно, као да пуца на врабце. Янча на обкопу и овай младићъ кодъ топа, заслужую, да ихъ народна кичица овѣковѣчи!“

„Право младый пріятелю“ повиче на ово Стефановићъ, одпаше свою саблю припаше є младићу. „Како се састанемъ са Н. Светошћу, то ће ми прво быти, да ты офіцірску діплому добыешъ.“

Сви садъ офіціри приступе младићу и рукую се съ ньимъ.

Маіоръ Стефановићъ садъ се са офіціры разговори, шта имъ на далѣ чинити валя, пакъ сутра данъ сѣдне на кола и оде у Земунъ. Не проће нѣколико дана, а Димитріє Млатишума добыє діплому, коіомъ

га Патріархъ за нѣгову кодъ Перлеза показану храброст народнымъ лайтнантомъ наименує.

6.

Прошло є отъ то доба лѣто и зима и настало є пролеће. Млатишума био є за то време у Книћанинновомъ логору кодъ Томашеваца, и Панчева, и издржао є обадве жестоке битке, ко є су кодъ ова два мѣста были, био є на Вршцу и кодъ Арада, и юришіо є са Михломъ на ову послѣдню варошь, али є срећніе прошао, него нѣговъ комендантъ, кои є ту свой славный животъ свршіо. Кадъ є нашъ войвода дошао, и кадъ є послѣ нѣгове смрти, коя є цѣло србство у црно завыла, генералъ Маєрхоферъ врховну команду надъ србскомъ войскомъ приніо, онда су многи народни офіціри на ньихово представлѣнѣ царскимъ офіцірима постали. Међу овыма є и Млатишума био. Онъ є послѣ битке кодъ Панчева лайтнантомъ, а послѣ боя кодъ Арада обрлайтнантомъ постао, и орденъ гвоздене круне добыо.

Смрть Янчина прославила є по цѣломъ народу Млатишуму. Нѣгова младость, и та околность, што се одъ своихъ украо, и изъ дальнѣ Хрватске међу браћу дошао, да съ ньима крвь пролива, давала є нѣговомъ юначству нѣку особиту пѣсничку свѣтлость; Србльи су се ньимъ дичили и поносили, и увѣкъ на

нѣга указывали, или био разговоръ о томе, да єданъ другогъ подбоде, или се радило о томе, да се странныма образацъ узвышеногъ одушевлѣногъ юначства укаже, или се тражило мѣрило, по комъ се сила и снага опредѣльивала, коіомъ є народна стварь на духове дѣйствовала. Сви су у нѣму сматрали Янчипогъ наслѣдника, и єдна часть свѣтлости овога преливала се на нѣга; сви су држали, да су му у дугу због тога, што є онъ мѣсто свію другихъ младића, коє є дужность на то позывала, Янчу у послѣднимъ тренутцыма послужіо. Накратко, онъ є постао идоломъ млађега свѣта; а ко є био у ово време тако срећанъ, да младиће себи привеже, тога є слава најбыстрія и најгласнія была. Ніе было Србина, кои за име Млатишума знао ніе; и ніе было имена, коє є познатіе и пріятніе было.

У пролеће 1849 падне Србобранъ, и наша войска изыђе изъ Баната сасвимъ, а одъ Бачке само малый онай угалъ на утоку Тиссе у Дунавъ задржи. Тамо се садъ єзгро србске войске устани, да несрећу Србобрана покає. На Книћевцу разпне се шаторъ непобѣђеногъ Книћанина, и подъ нѣгову заповѣсть хитали су са свію страна србски юнацы. И Млатишума тамо пође; онъ се єдно послѣ подне изъ Земуна крене и дође у Сланкаменъ на конакъ.

Овдѣ морамо мало застати и у натрагъ погледати. Мы смо у почетку ове повѣсти нѣка лица предъ читателя извели, одъ коихъ га є баремъ єдно за се-

бе придобыти у станю было, а то є младый Любибратићъ. Па смо онда познанике и тако рећи пріятелѣ сасвимъ забацыли и заборавили, и на другу страну познанства тражити отишли, и овомъ новомъ познанику вѣрніи были. А то ніє право. И новіє пріятелѣ треба любити, то є истина; єръ може новіи пріятель больи быти, него кога издалѣ познаємо: али зато ніє лѣпо, да старіє познанство, коє намъ нимало повода на то дало ніє, новіємъ за любовь сасвимъ заборавимо. Треба дакле да мало и за оныма погледамо.

Мы смо ове наше пріятелѣ башъ онда оставили, кадъ су они са Любибратићемъ у логоръ у Србобранъ отишли. Нѣки су одъ ньихъ раніє кући дошли, а нѣки доцніє; самъ Любибратићъ остао є тамо, докъ ніє ова дика србска пала.

Ко є овога младића пре те несреће познавао, па га є послѣ видѣо, тай га читаво познати ніє могао. Као што є Србобранъ непріятельска рука разорила, тако є овога младога човека туга порушила. Онъ се у Септемберской битки кодъ Србобрана юначки боріо, и послѣ одлазка Мађара са другомъ войскомъ у Сомборъ отишао; а кадъ се Нужанъ изъ Бачке у Бараню повуче, онда се онъ одъ овога кора одцѣпи и прекимъ путемъ у Србобранъ похити.

У несрећной оной битки, коя є Перцела у шайкашкій баталіонъ увела, боріо се опъ као свагда ю-

начки; зрно непріятельско рани га у десну руку и принуди га, да се натрагъ повуче, да рану превые. Кадъ Мађари у обкопе наше пробію, Любибратићъ ніє хтѣо да бѣжи, него є заключіо остати, и одъ Мађара се сасѣћи дати. Съ тежкомъ мукомъ одвуку га пріятельи са собомъ, коима образъ допуштао ніє, да друга свога, съ коимъ су се увѣкъ дичили и поносили, у челюстима извѣстне неизбѣжне, можда и срамне смрти оставе. Ова послѣдня мысао найвише и приволи Любибратића, да се уклони. Рана на руцы и туга у срцу баце га у креветъ, и онъ се врати кући боланъ преболанъ. У ватруштини све є фантазирао о Перлезкомъ логору и о Млатишуми. Кадъ му се грозница мало претишала была, и кадъ су му казывали, шта є говоріо, уздануо є горко и рекао: „Млатишума є срећанъ младићъ; а я самь несрећанъ. И онъ и я преживили смо несрећу мѣста, на комъ смо стояли, али съ каквомъ разликомъ. Онъ є изъ оне несреће као злато изъ огня чистіи и сяйніи изышао: а шта самь я учиніо, што бы ми давало на несрећу ову баремъ съ мирнымъ духомъ мыслити.“

Пріятельи нѣгови гледали су, да га утѣше. „Ниси ты томе кривъ,“ говорили су му они. „Да си ты имао Янчу, као што га є онъ имао, и ты бы тако исто прошао као и онъ. Душа нѣгова не горе већма за народньомъ славомъ и срећомъ него твоя; а какво юначко срце у твоимъ прсима куца, то си више путы показао. Али прилику дає само Богъ и срећа; и ко

криви човека, што ніє имао прилику ово или оно учинити, онай криви управо Бога и срећу, кою онъ дає. У осталомъ та твоя рана ніє нимало манѣ честна, него Янчинъ загрляй. И зато имашъ пуно узрока утѣшити се Што се онъ већма слави, то ніє нѣгова заслуга, него дѣо среће; ты пакъ све што имашъ, то є твоя собствена мука.“

Любибратићъ є гледао своє пріятелѣ, па имъ онда одговори: „Вы, како видимъ, мене не разумѣте. Вы мыслите, да я завидимъ Млатишуми, и да ми є тежко, што се я тако не славимъ као онъ. Ако то мыслите, то неправо мыслите. Ако се ко слави Млатишуме радує, то іой се я радуємъ. И я чисто држимъ, да нема ни єднога у цѣломъ Србству, кои тако цѣло суштество тога младића узыма, и разумѣ, као я. Млатишума є за мене у нашой овой войни єдно появлѣнѣ, безъ кога я садъ, одъ како за нѣга знамъ, чисто не бы могао быти. Онъ за мене ніє човекъ, него ідеалъ; ніє особа, него мысао; ніє хрваћанинъ, него производъ пѣсничства овыхъ садашньихъ дана. Нѣга треба свакій Србинъ, кога познає, и кога не познає, да люби. И то бы зао знакъ быо, да онъ ніє Србима міо и драгъ. Кадъ небы тай младићъ Србе узхићао, онда ова война небы то была, што є, породъ найживлѣгъ одушевлѣня. Ко Млатишуму не люби, тай нема духа за выше, нема срца за пѣсничство; за тога зацѣло Виле на овомъ свѣту не суштествую. А я мыслимъ, да самь вамъ моимъ животомъ доказао,

да по моме срцу тако яко Виле вѣруємъ, као што ихъ разумомъ не вѣруємъ. Мени бы дакле тежко было, да Млатишуме ніе, а не, што смо тако срећни да га имамо. — Него є мени то тежко, што смо у Србобрану єданъ, као діамантъ свѣтао споменъ изгубили, а нисмо га другимъ замѣнили. Янча є несрећу Перлезску избрисао. Кадъ се Србльи Перлезскогъ боя сѣте, више ће ихъ высина Янчиногъ дѣла узхићавати, него падежъ логора печалити. Зашто Косово не поражава наше духове тако, као што бы по природи такове несреће иначе чинити имало? Зато што є на нѣму Милошъ Мурата поразіо; што су на нѣму старый Югъ Богданъ и сви нѣговы деветъ сынова пали; што су на нѣму три цвѣта србскогъ юначства, Милошъ, Миланъ и Иванъ животъ положили. Сила є тѣлесна на Косову клопула, али є духовна надвладала. Па тако є и Србобранъ заслужіо, да пламенъ нѣговъ величину србскога духа осіява. И да є ма коме суђено было до те среће доћи, онда ни мени себе небы жао было; држао бы, да є онъ достойніи быо одъ мене, и да нѣга ніе было, можда бы мене судба на то позвала. Али овако морамъ да заключимъ, да нисамь достоянъ такова жертва быти!“

На ове рѣчи уђути младићъ, и на лицу му се виђаше, колика му жалость на срце паде. Пріятельи су га тѣшили, како су найболѣ знали и умѣли. Али є то слабо помагало. Найпослѣ уђуте сви, и оставе га самомъ себи, надаюћи се, да ће онъ самъ

најпослѣ оружіе наћи, коимъ ће се одъ тихъ мыслій одбранити.

Кадъ се мало опорави отиде єданъ данъ посѣтити госпођу М. Ова га є ревностна Србкиня више путы у болести надгледала, и чешће є сузу изъ ока пустила, кадъ є видѣла, како му люта грозница животъ подрыва. Она є духъ нѣговъ высоко цѣнила, и учинила іой се штета за цѣо родъ, да овай надежде пуный младићъ умре. И зато му се садъ врло обрадує, кадъ га къ себи улазећа види.

„А хвала Богу,“ повиче она весело нѣму на сусретъ, „ево нашега Србобранскогъ юнака. Да знате, кадъ сте се вы одъ гроба избавили, да ће и нашъ Србобранъ изъ пепела свога дигнути се, и лѣпшій іоштъ быти, него што є био!“

Младићъ є полюби у руку, насмѣши се болно, и проговори: „Ако га Мађари у своимъ рукама задрже, хоће га разорити, да му се ни трага неће знати, гдѣ є стояо.“

„Да є васъ та люта грозничетина у своимъ рукама задржала, ни вама се небы трага знало, примѣти госпођа: „Али є васъ грозница оставила, па ће и Перцелъ Србобранъ оставити, ако Богъ да, и вы ћете іоштъ набрзо ту радость доживити, да ћете ону свету Цркву іоштъ лѣпшу и величественію видѣти, него што є была!“

Послѣ дужегъ разговора, примакне Любибратићъ столицу мало ближе, и потишимъ гласомъ проговори: „Милостива госпоѣо, вы ћете мени опростити, ако се я усудимъ предпоставити, да вы мене само мало уважавате.“

„Я васъ здраво уважавамъ“ одговори госпоѣа.

„Вы се дакле нећете срдити на мене“ настави младићъ далѣ, „ако я вама покажемъ, да къ вама више повѣреня имамъ, него ма къ коме другомъ на свѣту?“

„Да вамъ мыслимъ компліментъ учинити“ рекне на то госпоѣа, „я бы вамъ казала, да ћу се тимъ само поносити; али я данасъ хоћу просто само да се разговарамъ, и зато вамъ велимъ: говорите само, што годъ вамъ лежи на срцу. Я и онако знамъ већъ, шта ће то быти. Или вы мыслите, да самъ я тако слѣпа као и друге моѥ сестре у Єви? О то се яко варате!“

„Башъ зато,“ одговори младићъ, и што знамъ, да се вашемъ оку то сакрыло ніѥ, и што самъ примѣтіо, да вы то тако узымате и држите, да вамъ не могу доста благодарити, и усуђуѥмъ се съ вама о томе говорити.“ На ове рѣчи ућути.

И госпоѣа М. ћутила ѥ. Али кадъ младићъ и послѣ подужегъ ћутаня іоштъ ништо не проговори, рекне она: „Вы сигурно желите одъ мене штогодъ за Десанку Б. . . . чути . . . ѥ ли?“

Младићу удари на ове рѣчи крвь у лице, али само на часакъ еданъ, па се онда опетъ прећашня блѣдость врати.

„Я вамъ за ню ништа више казати не знамъ, него што сте и одъ другихъ чули: нѣ є лане у Августу, сутра данъ, кадъ смо оно заедно у башти были, нестало, и нити се данданашныій зна, куда є и како є.“

Младићъ уздахне, па онда єдва изговори: „то самь чуо.“ — Али — шта се мысли, куда се дѣла? шта ли є изъ нѣ было?“

„То бы было много говорити, кадъ бы я вама све хтѣла казывати, шта люди мысле и говоре: али я не вѣруємъ ништа, — а не знамъ ништа, — па тако и вама не могу казати ништа.“

„А шта говоре нѣни родитељи? Надаю ли се они ню іоштъ кадгодъ видѣти?“

„Да ли се надаю? А кои се отацъ и мати може да не нада видѣти своє дѣте, коє нису видѣли, како га у гробъ мећу? Али управо рећи, они су ню скоро прегорели. Жао ми є за то дѣте!“

Любибратићу напуне се очи сузама. Са највећомъ горчиномъ рекне онъ: „Я не знамъ, зашто ме є Богъ одъ смрти сачувао!“

„Немойте тако говорити Любибратићу!“ блажила га є госпођа М. „Вы сте младъ човекъ, вы текъ идете да видите, зашто сте овамо позвани.“

„Вы не можете знати, шта є она моме животу была, милостива госпођо; па не можете ни то процѣнити, шта є мој животъ у њој изгубіо. Та я, штогодъ самь био, ако самь штогодъ био, био самь само крозъ любовь къ њој; мене є любовь нѣна задысала, кадъ самь перо узымао, и оне створове производіо, кои су были срећни вама угодни быти; у мене є любовь къ њој юначко срце усадила, те самь могао быти ондѣ, гдѣ су стояли први. Любовь къ њојзи была є сунце мога живота, душа моє надежде! Охъ, я самь ню любіо тако чисто, тако свето, тако силно, па садъ“ — Овдѣ ућути младићъ и покрыє лице рукама.

Госпођи М. и самој ніє лако было. Она є разумѣла, каковъ є то болъ, кадъ сама душа боли, па є ћутила.

Младићъ се найпослѣ мало поврати, и рекне: „Ахъ! я самь здраво, здраво несрећанъ!“

Госпођа М. узме га тихо за руку, и проговори му: „Да є то велика несрећа, то нико не може рећи, да ніє. Али помыслите, да сте онаково суштество любили, коє заслужує, да га анђео, а не човекъ, люби. Я самь Десанку познавала; то є было дѣте, коме пара нема. Нѣни родительи нису знали ню цѣнити, иначе не бы могли нѣнъ губитакъ преживити. А вы бащъ у томъ морате утѣху наћи. Десанка є скоро превышенебесно за ову землю была. Любите

є, као што се мысао, као што се анђели любе. Нека вамъ є доста, што є у спомену имате. А нека васъ срећнымъ чини мысао, да є и она васъ любила. Єсть, то я знамъ, што є и самой ньойзи тайна было; она є васъ и незнаюћи любила, и вы се томъ любавлю тако дичити можете, као рѣдко кои вашегъ пола.“

Младићъ є слушао говорећу госпођу душомъ. Она є давно престала говорити, а онъ є іоштъ єднако очи на нѣнымъ устнама држао. Найпослѣ спусти очи доле, устане, узме шеширъ у руке, и проговори: „Вы имате право. Я нисамь самъ себе разумѣо. Моя любовь треба да остане небесна; моя Десанка треба да буде мени анђео. Зато є нѣ и нестало. Геній моє любови видѣо є, да се не може на мою снагу ослонити, па є ню одвео тамо, гдѣ є нѣно право отечество. Она и ніє была смртна дѣвойка; она є была анђео, и докъ є овдѣ међу нама была. О! како самь я низко стояо! Али хвала вамъ; вы сте ме опетъ уздигли; вы сте ми моє право мѣсто показали. Хвала вамъ! Хвала вамъ! Хвала вамъ!“

„Докъ є ово говоріо, савъ се быо запламтіо. Госпођа М. види, да є то грознично станѣ, и зато му почне говорити, да се садъ остави свега, и само гледи, да до здравля свога дође; а у осталомъ да се ослони на оно выше нѣшто, што се види, да свѣтскимъ овымъ стварма путъ назначує.

„Я осѣћамъ да ми ніє найболѣ“ одговори Любибратићъ „и зато опростите, што васъ овако оста-

вити морамъ. За то, што сте ми милость указали, да ме преслушате, ето вамъ лѣпо захвалюємъ правећи вамъ немиръ. Али вы ћете мени опростити; ова болесть чисто ми є наравь измѣнила.“

„Умирите се вы само Любибратићу; а я самь онда немирна, кадъ видимъ да вама ніє добро.“

На ово се опрости младићъ и оде кући. Ту ноћь была є страшна борба у нѣговомъ духу; али є сутра данъ бура быћа престала, и госпођа се М. зачуди, кадъ га послѣ нѣколико дана види. Онъ є было блѣдъ као крпа, али му є духъ было сасвимъ ведаръ и пружакъ. Тужна єдна черта остала му є на лицу одъ страшне оне борбе душевне; лице є нѣгово изгледало као ведро небо крозъ танке оне облаке, кои су послѣ буйне лѣтнѣ кише іоште заостали; али исто тако видѣло се на нѣму, да є наново оживіо, као што оживи природа послѣ оживляваюће буре.

„Вашъ є лекъ помогао“ рекне онъ госпођи М. „Вы ћете видѣти, да самь я сасвимъ другій човекъ.“

7.

Кадъ се миръ у душу Любибратића поврати, окрѣпи се и нѣгово тѣло. Єдно вече дође онъ госпођи М. и рекне: „Я долазимъ, да се съ вама опростимъ. Богъ зна хоћемо ли се опетъ видѣти!“

„А куда сте то на тако далекъ путъ наумили, кадъ се сумняте, да ћете се за живота съ нѣга вратити моћи?“ запыта га она.

„Идемъ у Мошоринъ Книћанину. Пређе ми є было тежко, што ме Богъ ніє Янчине судбине сподобіо; а садъ текъ видимъ, да я то нисамь био заслужіо. Моя любовь къ народной ствари ніє сасвимъ чиста была. Я самь више моіой любови служіо, кадъ самь у Србобранъ отишао, него народной ствари. И садъ текъ осѣћамъ, да идемъ мою дужность изъ любови къ дужности изпунити. Садъ не идемъ у войну, да могу нѣнымъ чинма обасутъ предъ Десанку стати; садъ идемъ, зашто то нужда народа изискує, да свакій, кои є за оружіє, на мезево иде. Съ Богомъ, милостива госпођо! Ако я погинемъ, а Десанка кадгодъ дође.“ — Овдѣ прекине на єдаредъ, насмѣши се и проговори: „Я не знамъ, или є ту свака снага напразно, или самь я безъ сваке снаге. Съ Богомъ остайте!“ На ово є полюби у руку, а она нѣга у чело, па га онда са овымъ рѣчма изпрати: „Съ Богомъ пошли, и да Богъ да срећно натрагъ дошли съ веселымъ гласовима и— съ веселымъ срцемъ.

Любибратићъ сѣдне сутра данъ на кола и одвезе се у Сланкаменъ, да се оданде у Тителъ превезе.

Онъ іоштъ сасвимъ ніє изздравіо быо, и зато є мысліо, да є доста тай данъ путовао, и заключи у Сланкамену преноћити, пакъ сутра данъ у Тителъ

отићи. Предъ вече ходаюћи горе доле по своіой соби у гостіоницы, и кадкадъ на прозоръ, кои є на улицу излазіо, погледаюћи, види гдѣ єдна кола предъ гостіоницу стану, и єданъ младъ као капля офіціръ съ кола скочи.

„Могу л' я овдѣ ноћити?“ запыта онъ гостопримца.

Гласъ офіціревъ учини се Любибратићу познатъ; онъ приступи дакле ближе къ прозору, да види, ко є то одъ нѣговыхъ познаника. Али є међутимъ офіціръ са гостопримцемъ у кућу ушао быо, и тако га ніе могао болѣ уочити.

Кадъ се смркне оде Любибратићъ у обшту собу, да види, неће ли тамо тога младога офіціра наћи. Овай є заиста тамо сѣдіо, и вечерао. Любибратићъ уђе у собу, и застане. Лице, кое му се предъ очи стави, задрма му срце. Онъ не узможе одмахъ, како є найпре хтѣо, управо офіціру прићи, него сврне надесно, и сѣдне за єданъ столъ у куту, одъ куда є могао тога сматрати, а ніе было таки примѣтити, да на нѣга мотри.

„То є за чудо!“ мысліо є онъ у себи, „Само толика разлика, колика се између сестре и брата налазити може!“

На ово младый офіціръ викне гостопримца, да му друго єло донесе.

„И гласъ сасвимъ єднакъ,“ мышляше Любибратићъ у своме куту, „само што є овай мало промукнуо!“

Докъ є гостопримацъ єло доносіо, бацы млады офіциръ очи по соби, коє како су наоколо ниле, падну и на Любибратића.

Овоме се срце у грудма при томе погледу потресе. Онъ мало поћути, пакъ онда настави свой разговоръ у мыслима: „Ніє чудо! кадъ є све єднако, не може ни погледъ другчій быти.

Младый офіциръ имао є две звѣзде на яки, и орденъ гвоздене круне на прсима. Онъ погледи и подругій путъ онамо, гдѣ є Любибратићъ сѣдіо, и немогући овога онако у сѣнки сѣдећега добро уочити набере обрве, да оштріє погледи.

Садъ гостопримацъ донесе єло, и офіциръ се нађе више овымъ него непознатымъ страннымъ привлаченъ.

Любибратићъ се међутимъ трудіо мысли своє у редъ поставити. Што є више младогъ офіцира сматрао, све му є миліи постаяо. Кадъ му се мысли сасвимъ умире, повуче га срце, да му приступи, и да се съ ньимъ позна.

Офіциръ є садъ быо вечерао, и справляше се да устане, и да иле. Любибратићъ боєћи се, да му не утече устане, и пођe къ нѣму.

У кои паръ науми офіціръ са столице дигнути се, у тай паръ стане Любибратићъ кодъ нѣговога стола, и назове му добро вече.

Офіціръ погледи на страннога, и у истый му часъ єдно за другимъ руменило и блѣдило преко лица прѣже. Онъ спусти очи къ столу, и текъ послѣ краткогъ ћутаня одговори: „добро вече!“

Любибратићъ помысли, да офіціру ніє мило, што му приступа, и зато му проговори: „Опростите господине! што самь узео слободу вазъ узнемиривати. Али вы имате толико подобности са єднымъ лицемъ, коє є мени здраво мило и драго, да се нисамь могао уздржати, да вамъ не приступимъ!“

„Тако?“ быо є одговоръ офіціра.

„Вы ћете видѣти,“ продужи Любибратићъ говоръ, „да сте онаковомъ човеку допустили къ вама приступити, кои зна заслугу уважавати, и кои држи за свою дужность онима, кои по срећи и своимъ способностима народу нашемъ служе, у свачему на послуги быти.“

„То су лѣпе мысли,“ одговори офіціръ, и садъ текъ очи къ Любибратићу подигне, али ихъ опетъ онай часъ спусти. „Али кодъ мене нису на правоме мѣсту, єръ оно, како я народу служимъ, не заслужує ни да се на умъ узме, а моє су потребе тако незнатне, да имъ самъ свима послужити могу.“

Любибратићъ є на ово ћутіо. Чинило му се, као да офіціръ овима рѣчма толико каже, као да неће

нѣгово познанство. Али онъ се ніе могао тако лако одъ тога лица разставити, зато и настави далѣ овако:

„Нека вамъ се не чини, господине, као да се я силомъ намећемъ, кадъ послѣ тога, што мало пре рекосте, не одлазимъ. Ваша младость, и то одличіе коѥ ваше прси краси, мора свакога Србина къ вама привлачити, да васъ позна; и вы ћете мени опростити, ако васъ замолимъ, да ми ваше име кажете.“

„Я самь обрлайтнантъ Млатишума!“ одговори офіціръ.

„Млатишума! Млатишума!“ повиче Любибратићъ удивлѣнъ и узхићенъ. „Вы сте Млатишума? Но то ѥ срећа изненада. Вы ћете ми, сладкій господине, допустити, да васъ загрлимъ и полюбимъ, єръ знайте, да нема човека, кои васъ већма люби и поштуѥ, него я.“

Пре него што се офіціръ могао изяснити, да ли му ѥ тай знакъ узхићеногъ поштованя поволянъ, или ніе, загрли га Любибратићъ топло, и свойски га у образъ полюби. Офіціръ се трже на страну, а Любибратићъ настави: „Опростите, господине; али то самь се заклео учинити, ако ми кадгодъ срећа допусти, да се съ вама састанемъ.“

Садъ се Любибратићу єзыкъ одреши. Онъ ѥ младомъ офіціру казывао, како ѥ за нѣгова дѣла слушао, како ѥ о ньима судіо, како му се као у тѣло обученый идеалъ представляо; како га ѥ обожавао, како га ѥ любіо. Дуго су се они ту разговарали, и текъ око поноћи разстану се съ договоромъ, да су-

тра заедно у шайкашкій баталіонъ прећу, и єданъ поредъ другогъ воюю.

Любибратићъ є био изванъ себе одъ узхићености. Кадъ у собу свою дође, повиче: „Та нисамь я тога Млатишуму напразно више него и ко любіо! Какво чудо! као да є рођеный братъ моє Десанке! Хвала ти милостиво небо: узело си ми Десанку, али си ми є данасъ у ономе човеку натрагъ дало, кои ми є одъ свію наймилій.“

Два нова пріятеля прећу сутра данъ у Тителъ, пакъ оданде оду у Мошоринъ. У боєвима кодъ Мошорина одликовали су се они предъ свима другима. Свакій є данъ ньихово пріятельство топліе и срдачніе было. Кадъ су непріятельска зрна око ньиховыхъ ушію зуяла, онда се Млатишума само за Любибратићемъ, а Любибратићъ за Млатишумомъ обзирао. А кадъ су одъ непріятеля мирни были, онда су време у разговору проводили, или є Любибратићъ мысли своє, коє є на папиръ ставіо быо, читао. Ове су свагда тако на духове дѣйствовале, да су га офіціри други свагда терали, да што напише, па кадъ є што написао; онда се око нѣга читавъ кругъ начиніо, кои су га слушали. И сами прости войницы прикрали бы се, па бы поиздалѣ слушали шта онъ офіцірима чита; а другій путъ бы га склептали, па бы имъ морао по цѣломъ логору читати. Книћанинъ є често казао, да Любибратићъ толико логору противъ Мађара помаже, колико топови; єръ ови умалюю непріятелѣ, а онъ умножава наше войнике. А кадъ бы

га запытали како то? онда имъ є одговоріо: „А нечини ли Любибратићъ; да свакій одъ насъ два ерца добыя?“

Єданъ данъ дође Любибратићъ Млатишуми, узме га подъ руку, и изыђу мало изза логора, подъ єдапъ ябланъ, кои су ту край друма усађени были. Кадъ тамо дођу, извади онъ єдну хартію изъ нѣдара, и проговори: „Ово іоштъ нисамь никоме читао, до теби, и неће га нико више ни чути. — Али да можешъ разумѣти, шта є то, морамъ ти казати, да є было — было є, а садъ га више нієдно дѣвойче на овомъ свѣту, коє самь я тако силно любіо, како само єдно човечіе срце любити може. Є ли она мене любила, то не знамъ; є ли она знала, да я ню любимъ, и то не знамъ; али то знамъ, да є она мени была све. Тога дѣвойчета нестане на єдаредъ пре 8 — 9 мѣсецій, и никадъ о ньой ни трага ни гласа. Кадъ самь то моє неоцѣнѣно благо изгубіо, онда самь ову жалостну пѣсму написао, кою као светыню какву све єднако на прсима носимъ.

За овымъ сѣдну на траву и Любибратићъ почне читати. У той пѣсни описао є онъ быо Десанку као небесно какво створенѣ, сяйніе него сунце, умилніе него мѣсецъ, чистіе него првый данъ, узвышеніе него анђео. Затимъ є у пунымъ струяма любовь свою изразіо, коя є дубля одъ мора, силнія одъ грома, быстрія одъ сузе, топлія одъ огня, пространія одъ неба, вѣчна као Богъ. Послѣ овога париче за нѣнымъ губиткомъ. Срце є цѣпала свака рѣчь, кою є

на уста износіо, душу є кидала туга, коя се у пѣсми таласала. Духу томе, кои є та жалость обузела, нема накнаде, нема утѣхе, нема надежде; предъ њиме є безданна пропасть отвореиа, и онъ стои надъ њомъ, готовъ свакій часъ у ню стрмоглавити се.

Докъ є Любибратићъ читао уздрктао му се другъ, часъ полъ цѣлымъ тѣломъ. На нѣговомъ лицу ніе манѣ промѣне пѣсма проузроковала, него на Любибратићевомъ. Овай є свршіо, пакъ онда є у дубоке мрачне безграничне мысли изгублѣнъ ћутіо. Млатишума є почесто на нѣга погледао; пакъ онда су му се єданпутъ устне разтвориле, као да є хтѣо што да каже, другій путъ пакъ руке подигнуле, као да є хтѣо пріятеля да загрли. Али нити є што рекао, ни съ мѣста устао.

Најпослѣ проговори Любибратићъ: „И на ово мени одъ самога живота драже суштество ты си сладкій пріятелю тако наликъ, као да си іой братъ рођеный. Како самь я тебе и пре, него што самь те видѣо, любіо, то самь ти већъ казао; можешъ мыслити, како си ми садъ драгъ и міо, кадъ на теби образъ тога мога правога живота носишъ.“

На ове рѣчи загрли пріятеля своимъ топлиномъ, кою му є споменъ на изгублѣну Десанку у срцу побудіо, и полюби га у уста, полюбцемъ, кои му є изъ саме душе долазіо. Руке се нѣговогъ пріятеля склопе око нѣговогъ врата, и устне нѣгове задркћу на нѣговима. Тако су они подуго загрлѣни сѣдили,

и у тай часъ ніе за ньихъ было ничега на свѣту, него онай комадићъ землѣ, на коме су сѣдили, и ньихъ двое, кои су на нѣму сѣдили.

Прошло є послѣ овога опетъ дуже време. Два пріятеля была су себи више, него пре, али се кодъ Млатишуме нѣка промѣна показывала. Онъ є кадкадъ пріятеля свога топлиномъ надилазіо, а кадкадъ му се, као спрама кога сасвимъ непознатогъ скоро хладанъ показывао; кадкадъ му є на сусретъ летіо, а другій путъ се одъ нѣга натрагъ повлачіо. Любибратићъ пакъ ніє то ни на умъ узымао; онъ є на пріятеля свою любовь пренео био, и само є за овога живіо.

Банъ є ударіо на Кађъ и потукао Перцела. Два пріятеля ту су се међу првыма одликовали. Банъ є ударіо на Хеђешъ, и морао се натрагъ повући: два пріятеля обратили су своіомъ храброшћу особитый позоръ войводе на себе. Млатишума спасе єдну батерію, да ніє Мађарима у рукама остала; онъ є ту управо изъ ньиховыхъ руку изтргнуо, будући да су є већъ были заузели. Любибратићъ є єдногъ капетана са нѣколико момака изъ робства избавіо. Слѣдство ове битке за два пріятеля было є то, да є Млатишума капетаномъ постао, а Любибратићъ златну медалію добыо.

Іоштъ су Гуіонове нападає на мошоринске обкопе издржати морали, па є онда было край воєваню.

Битка кодъ Темишвара сврши мађарску револуцію и нѣне боєве.

Любибратићъ ніє више имао узрока у войски остати, и пође кући. Али є и пріятеля наговоріо, да съ њимъ на нѣколико дана баремъ оде.

Госпоѣа М. сѣдила є у своіой соби и читала новине. У овима є была цѣла та война описана, и у њой као узоръ србскогъ чистогъ, одушевлѣногъ юначства, Млатишума у найлѣпшой свѣтлости представлѣнъ. Измеѣу осталога стояло є: „Ко лично познає овога особитога Србина, тай му се доста начудити не може. Кадъ помысли на нѣговыхъ 18 година; кадъ погледи на нѣгово нѣжно тѣло; па кадъ онда помысли, шта є чиніо, чисто мора и онъ почети мыслити, што се кодъ простога народа чути може, да то ніє човекъ, него некаковъ духъ, кои є одъ Бога дошао, да намъ у нашой светой ствари покаже, како свакій одъ насъ чинити мора. Ако онъ садъ, кадъ се ратъ свршіо, опетъ у Хрватску оде, и насъ остави, онда неће нико народу ову мысао изъ главе избити. Онда ће онъ као створъ пѣсничкога духа кои у нашемъ покрету дыше у пѣсничкой ведрини, высини и свѣтлости у нашой повѣстницы стояти.

Текъ што є госпоѣа М. ово прочитала, кадъ нѣко на врата куцне, и у собу Любибратићъ уѣе. Съ њиме є долазіо єданъ младъ капетанъ као капля, а лѣпъ као анѣео.

„Капетанъ Млатишума?“ повиче госпоѣа М. скочи са столице, и изтрчи узхићена предъ ньихъ.

„На служби,“ одговори іой Млатишума.

„Башъ самь овай часъ читала, како о вама мысле, да ћете се на єданпутъ у онай облакъ изгубити, изъ кога сте се показали, па ми є было жао, што васъ баремъ познала нисамь. И тако можете судити, колику сте ми радость учинили, кадъ сте ми ту честь показали.“

Затимъ се посаде, и Любибратићъ стане приповѣдати, шта се о послѣдньимъ догађаима обширніе чуе. Госпоѣа М. често є на Млатишуму погледала, и нѣни су погледи све дуже на нѣму остаяли.

Послѣ дужегъ времена рекне Любибратићъ: „Кодъ мене є све као кодъ самца. Докъ я наредбу учинимъ, како ћу мога наймилієгъ пріятеля дочекати, не могу га нигдѣ болѣ оставити, него кодъ васъ, милостива госпоѣо, ако ми вы ту милость учинити можете. А я ћу послѣ доћи, да вамъ га опетъ украдемъ.“ На ове рѣчи устане и оде.

Кадъ Млатишума са госпоѣомъ М. самъ остане. Онъ є гледао ню, а она нѣга: а ни єдно ніе рѣчи говорило. На єданпутъ устане Млатишума, бацы клобукъ, кои є на колѣну држао, на страну, и загрли госпоѣу М. —

Ніе прошло дуго времена, али момакъ госпоѣе М. трчи Любибратићу, да му каже, да онъ ништа не спрема, него да на вечеру госпоѣи М. доѣе. Пакъ

оданде оде къ родительима изгубљене Десанке, те и њихъ тамо све скупи па вечеру.

У вече се скупе сви позвани кодъ госпође М. Она є са своимъ мужемъ сама госте дочекала. Любибратићъ се обзирао, али друга нигдѣ видіо ніе. Онъ є већъ хтѣо домаћицу да запыта, гдѣ є нѣговъ пріятель, те се видѣти не дає, кадъ ова весела започне:

„Любезни мои гости! Я самъ намѣрила свима вама радость учинити, одъ коє не вѣруємъ, да сте икада већу имали. Я знамъ да сте вы, кои нисте срећу имали, ради славногъ нашегъ младогъ юнака, Млатишуму познати. Онъ се подъ моимъ кровомъ налази. Вы ћете сви особиту радость у нѣму наћи; само васъ молимъ, умѣрите се. Помыслите, да велика радость убитачна быти може. Зато васъ и опетъ молимъ, умѣрите се.“

Свакомъ су ове рѣчи крозъ срце штрецнуле, а нико управо знао ніе, зашто? На ово уђе госпођа М. у другу собу, и мало часъ ето ти є са єднымъ особито обученымъ лицемъ. Ово є у бѣлу женску хальину обучено было, а сврху нѣ имало є офіцірскій капутъ са три звѣзде на надшиву, и капетанскій клобукъ. На прсима му се блистао орденъ гвоздене круне.

Кадъ уђе у собу, проговори госпођа М. са дркћућимъ одъ чувства гласомъ. „Любезни мои гости,

овдѣ имамъ честь представити вама господина капетана Млатишуму!“

Присутствующи гледали су на представлѣногъ капетана зачуђени, незнающи, шта ће то да значи. Садъ капетанъ бацы клобукъ съ главе, скине офіцірску хальину, и потрчи на вратъ госпоѣе Л....

„Сладка мати моя!“ повиче, и загрли госпоѣу, коя одъ чуда ніе знала, гдѣ є.

„Кѣери моя!“ повиче господинъ Л. и притрчи своме дѣтету, да га загрли.

„Сестра наша!“ викну нѣне сестре и полете на прси сестрине.

„Десанка!“ узвикне Любибратићъ, и остане укоченъ одъ изумлѣня.

„Єсть, Десанка!“ проговори госпоѣа М. „кою є любавь къ теби о узвышеный младиѣу юнакомъ учинила, и ню небесномъ славомъ обасула. Твоє одушевлѣне рѣчи, коє си онда предъ ньомъ изговоріо, упалиле су любовь къ роду своме, и не преодольну желю теби равномъ постати.“ На ово се окрене отцу и матери дѣвойке и рекне имъ: „Я мыслимъ, любезни мои! да вы нећете бранити, да се ове две душе, коє су єдна за другу створене, у єдну не слію. Нити може Любибратићъ достойнію себе супругу наћи, нити вы вашой кѣери приличнієгъ мужа. Благословите ихъ!“

„Богъ да ихъ благослови!“ срекну отацъ и мати.

На ово узме госпоѣа М. Десанку, коя є одъ силнога чувства дрктала, за руку, и одведе є къ Любибратићу: „Отацъ и мати даю ти є съ благословомъ: будите срећни, као што заслужуєте!“ Са овима рѣчма преда дѣвойку у наручія младићу, кои є на обумируће одъ узхићеня срце притисне. Она му клоне на прси, и склопи руке своє око нѣговогъ врата.

„О пріятелю мой! о любови моя! о све моє!“ протепа до несвѣстице узхићеный младићъ.

Сутра данъ оде къ регіменти слѣдуюће писмо:

Славна регіментска командо!

Я самь дужность мою изпуніо, и вѣрность мою къ владаюћемъ пресвѣтломъ дому, и любовь мою къ сладкомъ народу моме дѣломъ освѣдочіо. Садъ се миръ у домовину нашу повратіо. Да Богъ да намъ дуго траяо. Да Богъда пресвѣтла кућа Аустріянска све свѣтлія, а вѣрный нѣнъ народъ све срећніи био! Я се садъ враћамъ на моє одъ природе ми опредѣлѣно мѣсто, и оставлямъ са овымъ оно, коє самь срећанъ био у славной царской-србской войски заузимати. Благодаримъ свима моимъ млаћима на вѣрной привржености.

У Г.....31. Авг. 1849.

Димитріє Млатишума.

37128

управо Десанка Л.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
Ф Т С р Ф 4
1852/85.1

Цена за сваку часть 40. кр. сребра.